КЪ ИСТОРІИ ЗАСЕЛЕНІЯ СТЕПНОЙ ОКРАИНЫ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА [1]).

(Переселенія черкасъ изъ Польши въ Московское государство до Алексѣя Михайловича).

III.

Когда на царскій престолъ вступилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и послѣдовало успокоеніе Русской земли, снова получила прежнее развитіе дѣятельность правительства по обезпеченію рубежей государства. Но въ началѣ своего царствованія Михаилъ Ѳеодоровичъ долженъ былъ прежде всего принять мѣры къ удаленію изъ Московіи гетмана Сагайдачнаго, который явился на помощь къ королевичу Владиславу. Въ Московскомъ государствѣ онъ взялъ и сжегъ Ливны, Елецъ, плѣнивъ и убивъ тамъ много людей, нѣсколько разъ приступалъ къ городу Михайлову, но безуспѣшно [2]); переправившись потомъ черезъ рѣку Оку, онъ пробылъ нѣкоторое время въ Коломенскомъ уѣздѣ, затѣмъ мимо Москвы пришелъ къ Владиславу, стоявшему въ семи верстахъ отъ столицы; вскорѣ онъ сдѣлалъ приступъ къ Москвѣ, окончившійся впрочемъ неудачно [3]); тогда королевичъ двинулся къ Троицко-Сергіевской лаврѣ, а Сагайдачный—къ Серпухову, а потомъ къ Калугѣ [4]). Но, кромѣ войска Сагайдачнаго, и другіе отряды, состоявшіе изъ поляковъ, литовцевъ и черкасъ, тревожили еще московскія обла-

---

[1]) *Окончаніе.* См. майскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

[2]) Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 234—235. Объ осадѣ г. Михайлова см. современное сказаніе въ *Кіевск. Старинѣ* за 1885 г., декабрь; здѣсь оно перепечатано изъ *Черн. Губ. Вѣд.*, въ свою очередь заимствовавшихъ его изъ *Ряз. Губ. Вѣд.*

[3]) Разр. кн., I, 597—598; Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 236, 237.

[4]) Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 240.

сти. Правительство Михаила Ѳедоровича прилагало всѣ старанія къ уничтоженію ихъ. Сколь значительны были нападенія черкасъ, видно хотя бы изъ слѣдующихъ фактовъ: одна партія черкасъ опустошила Новгородъ, Углицкій, Пошехонскій, Вологодскій уѣзды, поморскіе города и Двинскую землю [1]); въ 1615 году черкасы и казаки выжгли Кинешму и Юрьевецъ, побили людей и собирались идти на Сапожекъ, Ряжскъ или Шацкъ. По сему поводу князю Николаю Барятинскому былъ данъ наказъ чинить надъ ними промыслъ; воеводы Переяславля Рязанскаго, Михайлова, Данкова, Ряжска, Епифани, Шацка и Касимова должны были прислать ему помощь; съ прибытіемъ подкрѣпленій, онъ долженъ былъ вездѣ разослать подъѣзды, въ лѣсныхъ мѣстахъ устроить засѣки и т. п. [2]); полковникъ Чаплинскій съ литовцами, поляками и черкасами взялъ Мещовскъ, Козельскъ и многіе другіе города [3]). Почти весь 1-й томъ разрядныхъ книгъ содержитъ въ себѣ распоряженія правительства для изгнанія литовцевъ изъ московскихъ украинъ. Въ особенности часты были столкновенія на пограничьяхъ. Въ 1621 году на соборѣ Московскій государь говорилъ, что въ Путивльскомъ, Брянскомъ, Луцкомъ и Торопецкомъ уѣздахъ и въ другихъ многихъ мѣстахъ польскіе и литовскіе люди ставятъ слободы и остроги, присваиваютъ себѣ села, деревни, лѣса и воды, въ Путивльскомъ уѣздѣ въ семидесяти мѣстахъ занимаются разными промыслами—рыбу ловятъ, охотятся за звѣремъ и избиваютъ всякихъ людей [4]). Въ 1638 году происходили продолжительные разговоры или, вѣрнѣе сказать, споры по поводу проведенія пограничной черты между обоими государствами. По окончательному предложенію польскихъ пословъ, рубежъ долженъ былъ идти такимъ образомъ: вверхъ по рѣкѣ Сухому, Ромну, къ Дехановскому и Недрыгайловскому городищамъ, при чемъ это послѣднее должно остаться за поляками, рѣкою Терномъ до рѣки Бобрика, перейдя Бобрикъ и Сулу до Городецкаго городища, которое остается за Московскимъ государствомъ до рѣки Псла, Псломъ внизъ до Каменнаго городища, которое остается за поляками, перейдя Пселъ, по его притоку р. Олешницѣ, при чемъ къ полякамъ отходитъ и весь лѣсъ Бонроевскій, до рѣки Ворсклы, рѣкою Ворсклой до Скельскаго

---

[1]) Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 224, 225.
[2]) Разрядная книга 123 г. во *Временникѣ*, кн. I, стр. 20—22.
[3]) Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 228.
[4]) Разрядная книга, I, 774.

городища, которое отходитъ къ Москвѣ, возлѣ Бѣльскаго городища черезъ рѣку Ворсклу до рѣки Мерла, перейдя Мерлъ къ Коломаку, перейдя его до рѣки Орчика, вверхъ по Орчику до Муравскаго шляху [1]).

Но не смотря на эти недружелюбныя отношенія, особенно сильныя въ началѣ царствованія, Михаилъ Ѳеодоровичъ, по видимому, охотно принималъ къ себѣ на службу черкасъ. Мы находимъ ихъ въ небольшомъ количествѣ во всѣхъ почти украинныхъ городахъ, даже самыхъ отдаленныхъ. Въ Тулѣ было черкасъ и днѣпровскихъ казаковъ въ 1614 году 170 человѣкъ; въ Рязани въ 1616 г. — 32 чел. кормовыхъ черкасъ; въ Михайловѣ—40 чел.; въ 1617 г. въ Дѣдиловѣ—30 чел.; въ 1619 г. въ Пронскѣ нововъѣзжихъ—50 чел.; въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ 1622 г. — 7 чел.; въ Шацкѣ въ 1622 г. — 10 чел.; въ Коломнѣ въ 1622 г. — 14 чел.; въ Казани въ 1626 г.—220 чел.; въ Уржумѣ въ 1626 г.—34 чел.; на Осѣ—13 чел., Лаишевѣ — 10 чел; Уфѣ — 2 чел.; Варскѣ — 9 чел.; Свіяжскѣ — литвы, черкасъ и вахолковъ — 48 чел.; въ Чебоксарахъ — 18 чел.; въ Ядринѣ — литвы и черкасъ — 14 чел.; Еранскѣ — 8 чел.; въ Курмышѣ — 16 чел.; въ Алатырѣ — 10 чел.; въ Темниковѣ—15; въ Тюменскѣ—литвы и черкасъ конныхъ — 93 чел.; въ 1630 г. въ сибирскихъ городахъ — въ Тобольскѣ литвы и черкасъ конныхъ — 28 чел., пѣшихъ — 4; въ Тюменѣ, конныхъ — 5, пѣшихъ—2 [2]) и т. п. Въ 1619 году при удаленіи Сагайдачнаго изъ Московскаго государства 300 черкасъ поступили въ подданство къ царю [3]).

Съ 1638 года движеніе малороссіянъ въ предѣлы Московскаго государства значительно усиливается. Причина этого явленія заключается въ томъ, что положеніе православнаго народа, а въ особенности казачества, въ русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой дѣлается теперь совершенно невыносимымъ. Въ Путивль является теперь иногда сразу нѣсколько десятковъ семействъ. Составъ ихъ самый разнообразный: были здѣсь запорожскіе и днѣпровскіе казаки, и мѣщане, и крестьяне, и священники, но больше всего было казаковъ. Интересны біографіи этихъ выходцевъ. Вотъ, напримѣръ, одна изъ нихъ: Пришелъ въ Путивль изъ Азова на Дону черкашенинъ Демка Ѳедоровъ

---

[1]) Дѣорд. Разр., II, 907—908.

[2]) Разр. кн., I, 120, 180, 396, 624, 880, 881, 883, 1250 — 1256; II, 297, 298; см. также II, стр. 5—8, 18, 27, 28, 62—64, 290, 906, 907, 923, 926, 929—936.

[3]) Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 242.

въ 1638 году. Будучи на Дону, онъ участвовалъ въ морскомъ походѣ, предпринятомъ совмѣстно донскими запорожскими казаками въ количествѣ болѣе 3,000 человѣкъ на 53 стругахъ. Придя въ Таганрогъ, они добыли языка—татарскаго попа, а оттуда двинулись подъ Керчь, произвели здѣсь большія опустошенія и возвратились въ Азовъ. Здѣсь запорожскіе казаки пошли въ лтиовскую сторону на помощь гетману Яцку Остренину, такъ что въ Азовѣ осталось донскихъ казаковъ 1,500 д., да черкасъ 200, а запасовъ очень мало. Вслѣдъ затѣмъ онъ, Демка, поѣхалъ съ товарищами на суднѣ вверхъ по рѣкѣ Дону, но на рѣкѣ Донцѣ у Сокольихъ горъ ихъ забрали въ плѣнъ татары. Въ плѣну онъ пробылъ всего пять дней: ушелъ оттуда на рѣку Волчьи Воды, потомъ на рѣку Торъ, а съ Тору пошелъ въ свою землю. Между тѣмъ жена его съ запорожскими черкасами пришла въ Путивль, а изъ Путивля со своими братьями была отправлена въ Ливны. „Посему пусть и меня Демку", говорилъ онъ,—„отправятъ туда же" [1]). Въ сел. Костенкахъ Воронежскаго уѣзда было устроено на житье 130 чел. нововъѣзжихъ черкасъ, пришедшихъ сюда съ атаманомъ Михаиломъ Рябухой [2]). По указу Михаила Ѳедоровича въ 1639 году воеводѣ Дм. Мих. Толочанову была послана грамота на Усердъ, чтобъ онъ никого не бралъ въ воротники изъ вольныхъ людей, ибо на Усердѣ будутъ устроены черкасы [3]). Въ Курскѣ было 300 черкасъ [4]). Тогда же поселились черкасы и въ Корочѣ, и въ Кромахъ [5]). Въ г. Чернь было отправлено 100 черкасъ; находимъ мы черкасъ и въ Воронежѣ, Новосили, Комарицкой волости, Бѣлгородѣ [6]). Приходили переселенцы изъ различныхъ городовъ; кажется, впрочемъ, изъ ближайшихъ къ Путивльскому рубежу; по крайней мѣрѣ въ документѣ встрѣчаемъ указанія на Гадячъ, Варву, Лохвицу, Миргородъ, то-есть, нынѣшнюю Полтавскую губернію [7]). Изъ Варвы вышло разомъ 300 человѣкъ. Приходили не одни казаки, но мѣщане и пашенные мужики, какъ говоритъ объ этомъ самъ царь въ грамотѣ къ Курскому воеводѣ; приходили и священники съ семьями [8]). Вообще те-

---

[1]) Архивъ Мин. Юстиціи. Столб. бѣлг. стола, № 3999.
[2]) Архивъ Мин. Юстиціи. Столб. владим. стола, № 8801—60.
[3]) Архивъ Мин. Юстиціи. Столб. пом. стола, № 8129—20.
[4]) Архивъ Мин. Юстиціи. Столб. бѣлг. ст., № 4040.
[5]) Ibidem.
[6]) Архивъ Мин. Юстиціи. Столб. бѣлг. стола, № 3999.
[7]) Ibidem.
[8]) Ibidem.

перь начинаютъ, по видимому, преобладать семейные надъ безсемейными; въ Корочу, напримѣръ, пришло сразу 100 человѣкъ съ женами и дѣтьми [1]). Московское правительство распредѣляетъ этихъ нововъѣзжихъ черкасъ на службу по своимъ украиннымъ городамъ, иногда по очень отдаленнымъ; такъ, напримѣръ, одна партія была отправлена въ Вологду [2]). Разсылая черкасъ незначительными партіями по разнымъ городамъ и вводя ихъ въ составъ своего служилаго сословія, московское правительство естественно давало имъ такое устройство, какое имѣли русскіе служилые люди. Такимъ образомъ черкасы, жившіе въ московскихъ городахъ, получали за службу жалованье и помѣстныя земли. Семейные получали по 5 четвертей ржи да по 2 пуда соли, а одинокіе—по 3 четверти ржи да по 1 пуду соли, а также деньги въ размѣрѣ 5 рублей. 440 черкасъ, жившихъ въ г. Корочѣ, получили въ 1644 г. жалованья 2,207 рубл.[3]). За это жалованье они должны были устроиться дворами на вѣчное житье въ Корочѣ и распахивать данныя имъ земли. Въ слѣдующемъ году было отпущено 2,215 р. и распредѣлено также, какъ и прежде. При полученіи жалованья должны были находиться атаманъ, есаулы, сотники и лучшіе черкасы; они свидѣтельствовали, кто не заслуживалъ жалованья — не пахалъ пашни, бражничалъ, проигрывалъ деньги въ зернь [4]) и т. п. Интересно, что и жены и дѣти получали нѣкоторую сумму за выходъ на первоначальное обзаведеніе: жены по 1½ р., старшія дѣти по 1 р., младшія по ½ р., а также хлѣбъ [5]). Кромѣ того, имъ давали еще нѣкоторыя льготы; такъ, напримѣръ, въ 1641 г. жители с. Костенокъ Воронежскаго уѣзда получили грамоту, освобождавшую ихъ отъ торговыхъ таможенныхъ пошлинъ [6]). Черкасамъ г. Кромъ было позволено по старой грамотѣ ходить на Донъ и на поле для промысловъ [7]). Но главное вниманіе правительства было обращено на то, чтобы черкасы обзаводились дворами и пашенными землями. Курскіе черкасы въ моментъ своего поселенія въ 1639 г. получили земли. Корочанскіе

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Царскія грамоты на Корочу, стр. 12; при томъ атаманъ получилъ 7 руб. знаменщикъ, есаулы и сотники—по 6 рублей.

[4]) Ibidem, стр. 30—31.

[5]) Архивъ Мин. Юстиціи. Столб. бѣлгород. стола, № 3999.

[6]) Архивъ Мин. Юст. Столб. бѣлгород. стола, № 4040.

[7]) Ibidem.

черкасы, ихъ дѣти, братья и племянники вмѣсто „селитебнаго“ жалованья получили дворы, пашенную землю, сѣнные покосы и всякія угодья бѣглыхъ корочанскихъ же черкасъ и казаковъ. У каждаго изъ этихъ послѣднихъ были дворъ, огороженный тыномъ, изба, сѣни, пуня, конюшня и погребъ [1]). Въ 1643 году было указано Яблоновскому воеводѣ дать бѣднымъ черкасамъ и русскимъ служилымъ людямъ хлѣбныхъ сѣмянъ [2]). Въ 1644 году государь велѣлъ корочанскимъ служилымъ черкасамъ отвести угодья для пчельниковъ [3]). Въ архивѣ министерства юстиціи сохранилось множество документовъ о раздачѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, а также земель и всякихъ угодій, черкасамъ, жившимъ въ украинскихъ московскихъ городахъ—Бѣлгородѣ, Валуйкахъ, Усердѣ, Орловѣ, Осколѣ, Корочѣ, Кромахъ, Курскѣ, Коротоякѣ, Урывѣ, Ливнахъ, Хотмышскѣ, Яблоновѣ [4]) и т. п.

Итакъ, нововъѣзжіе черкасы въ московскихъ украинныхъ городахъ получали такое же устройство, какъ и русскіе служилые люди: ихъ верстали на службу, давали помѣстья и т. д. Но обычаи и привычки, унесенные изъ родины, все-таки кое въ чемъ пробивались и на новыхъ мѣстахъ жительства. Наиболѣе живучести показывало казацкое военное устройство переселенцевъ. И вотъ большинство ихъ является въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ партій, подъ предводительствомъ своихъ собственныхъ атамановъ; даже черкасы, поселившіеся въ какомъ-нибудь украинномъ городѣ, удерживали своихъ атамановъ, знаменоносцевъ, есауловъ, сотниковъ [5]). Кромскіе черкасы въ 1641 г. выбрали изъ среды своей атамана; этотъ послѣдній пользовался столь независимымъ положеніемъ, что воевода собственною властью безъ разрѣшенія разряда не могъ его отставить отъ должности [6]). Сохраняли черкасы и свои обычаи: корочанскіе черкасы просили дозволить имъ „по ихъ вѣрѣ“ медъ ставить къ праздникамъ и варить для себя винцо, пивцо и бражку на поминовеніе родителей, крестины, похороны и т. д.; кромскіе черкасы просили о дозволеніи ситить медъ

---

[1]) Матеріалы для ист. колон. и быта Харьковской и сосѣдн. губ., стр. 19.

[2]) Царскія грамоты на Корочу, стр. 1.

[3]) Ib., стр. 13—14.

[4]) Архивъ Мин. Юст. Дѣла бѣлгор. стола, №№ 11, 15, 18, 19, 20, 21, 24, 28, 29, 31, и др. и многіе № столбцовъ бѣлгор. стола.

[5]) См., напримѣръ, Царск. грамоты на Корочу, стр. 3; Арх. Мин. Юст. столб. влад. стола, № $\frac{8891}{60}$.

[6]) Арх. Мин. Юст. Столб. бѣлгор. стола, № 4040.

и собирать воскъ, чтобы „свѣща всегда стояла передъ образомъ за государево многолѣтнее здоровье“[1]).

Особое самостоятельное мѣсто среди переселенцевъ занимаютъ монахи православныхъ южнорусскихъ монастырей. Въ виду этого, необходимо изложить это дѣло болѣе или менѣе подробно. Въ началѣ 1638 г. пріѣхалъ въ Путивль строитель Прилуцкаго Густынскаго монастыря Илинархъ съ братіей, съ просьбой о выдачѣ новой жалованной грамоты въ замѣнъ сгорѣвшей. Эта послѣдняя была выдана въ 1625 или 1626 г. разомъ тремъ монастырямъ — Мгарскому, Лубенскому, Густынскому, Прилуцкому и Ладинскому, находившемуся въ Прилуцкомъ уѣздѣ; на основаніи ея всѣ эти монастыри получили право посылать разъ въ четыре года старцевъ къ Московскому государю за милостыней. Въ 1629 г. имъ была дана милостыня на церковное строенье — сорокъ соболей, камка и нѣсколько денегъ. Пришедшіе теперь старцы сообщили разныя извѣстія о пораженіи, нанесенномъ польскими войсками малороссійскимъ казакамъ подъ предводительствомъ Остренина, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявили о своемъ рѣшеніи уйдти изъ своего монастыря въ Московское государство, если усилятся гоненія на православныхъ отъ правительства[2]). Дѣйствительно, 5-го іюня пріѣхалъ въ Путивль изъ Прилуцкаго Густынскаго монастыря черный священникъ Пафнутій, а съ нимъ 10 старцевъ да 11 монастырскихъ служекъ: они были посланы игуменомъ Василіемъ и всею братіей, чтобы разузнать, будутъ ли приняты государемъ и всѣ остальные; они забрали съ собою церковное строенье и скотъ. „Если государь изъявитъ согласіе на пріемъ ихъ“, говорили они,—„то явятся вскорѣ и всѣ оставшіеся въ количествѣ 70 человѣкъ и возьмутъ послѣднее церковное строенье и скотъ“. Привезенное священникомъ Пафнутіемъ монастырское имущество состояло изъ церковныхъ сосудовъ и одеждъ, значительнаго количества богослужебныхъ книгъ и, наконецъ, 90 воловъ и коровъ, около 300 барановъ и овецъ и 11 возовъ хлѣбныхъ запасовъ, соли и всякой рухляди[3]). 14-го іюня того же 1638 г. пришли изъ Густынскаго монастыря игуменъ со старцами, служками и монастырскими крестьянами, всего 77 человѣкъ, но пѣшіе и безъ всякаго имущества. Изъ распроса ихъ выяснилось, что послѣ перваго отпуска были отправлены другіе старцы съ мона-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Акты Ю. и З. Росс., III, 2, 3.

[3]) Ibidem, стр. 4—6.

стырскимъ имуществомъ, но на нихъ напалъ конотопскій урядникъ Сосновскій и совершенно ограбилъ ихъ. Когда игуменъ съ остальною братіей хотѣлъ уходить изъ монастыря, то прилуцкій урядникъ Ад. Марковичъ, довѣдався о томъ, прислалъ къ нему прилуцкихъ священниковъ, войта и мѣщанъ, которые стали упрашивать его оставаться въ монастырѣ; вслѣдъ затѣмъ кн. Вишневецкій послалъ въ монастырь своего коморника, который долженъ былъ захватить и его, игумена, и монастырское имущество. Въ виду этого онъ, игуменъ, съ братіей поспѣшно бѣжалъ изъ монастыря въ лѣсъ, оставивъ на возахъ часть имущества; другая часть, заранѣе отвезенная въ лѣсъ, была пограблена слугами княжескаго коморника [1]).

Вмѣстѣ съ монахами Густынскаго монастыря пріѣхали въ Путивль и монахини женскаго Ладинскаго монастыря, расположеннаго въ Прилуцкомъ уѣздѣ, съ игуменомъ Меѳодіемъ и игуменьей Елисаветой Летинской, всего 50 душъ. Еще прежде онъ отпустилъ 40 старицъ съ работниками, всѣмъ монастырскимъ имуществомъ и стадами, но эти послѣдніе были ограблены, не доѣзжая 30 в. до Путивля, тѣмъ же конотопскимъ урядникомъ Сосновскимъ; у нихъ было взято 20 возовъ со всякою рухлядью. Сами игуменъ, игуменья и остальныя старицы уѣхали тайно въ мірскомъ платьѣ. Монахи были временно помѣщены въ Путивльскомъ Молчанскомъ монастырѣ, а монахини—въ женскомъ Духовомъ; но корму ни тѣ, ни другія пока не получали, такъ какъ объ этомъ не послѣдовало еще распоряженія государя. Въ своей челобитной монахи просили, чтобы ихъ не разлучали, а всѣхъ опредѣлили въ одинъ монастырь; о томъ же просили и монахини [2]). Кромѣ монаховъ прилуцкихъ монастырей, собирался выѣхать на государево имя въ Путивль и игуменъ Мгарскаго Лубенскаго монастыря Калистратъ; предварительно даже отправилась оттуда часть старцевъ съ монастырскимъ имуществомъ и стадами. Но имъ не удалось вполнѣ благополучно пробраться въ Путивль: подъ Гадячскимъ городищемъ на нихъ напали татары, убили старца и служку и пограбили большую часть крупнаго скота и овецъ [3]). Вмѣстѣ съ казаками, уходившими изъ-подъ Гадяча, они пришли въ Путивль, расчитывая, что за ними послѣдуетъ и игуменъ. Но онъ не только самъ раздумалъ ѣхать, а и сталъ писать грозныя письма къ старцамъ и требовать, чтобъ они

---

[1]) Ibidem, стр. 6—7.
[2]) Ibidem, стр. 7—8.
[3]) Ibidem, стр. 11—15.

возвратились снова въ Лубны. Съ такими же требованіями обращались къ московскимъ властямъ и польскіе урядники; владѣлецъ почти всей тогдашней Полтавщины, князь Іеремія Вишневецкій, также обнаруживалъ большое неудовольствіе по поводу отъѣзда монаховъ изъ его монастырей. Началась переписка, вѣрнѣе сказать, полемика между Мгарскимъ игуменомъ и нововыѣзжими монахами всѣхъ трехъ монастырей, заключающая въ себѣ много характерныхъ подробностей, рисующихъ намъ понятія и нравы того времени. Въ своемъ отвѣтѣ Мгарскому игумену, игуменъ Густынскаго монастыря между прочимъ писалъ: „Ты пишешь, что князь (то-есть, Іеремія Вишневецкій) къ тебѣ ласковъ: живи и будь здоровъ съ его милостью княземъ. Когда мы добивались у князя подтвержденія привилегій и укрѣпленія грунтовъ, то онъ намъ отвѣтилъ: „А мнѣ что до васъ? Живите до ласки моей". А ласка всякаго пана на волоску виситъ, а когда онъ порвется, то все приходится терять... А мы благодаримъ Бога, что опочиваемъ въ странѣ тихой, Божьею благодатью и пожалованьемъ государя и благовѣрнаго царя Михаила Ѳеодоровича" [1]). Старцы Лубенскаго Мгарскаго монастыря въ свою очередь писали такъ: „Пишешь, чтобы мы вернулись назадъ; но намъ записавшимся на имя благочестиваго государя Михаила Ѳеодоровича, сдѣлать это также трудно, какъ водамъ потечь назадъ. Скотъ частью погребленъ, частью палъ въ пути, частью проданъ, а частью съѣденъ нами, ибо какъ бы ни былъ святъ человѣкъ, а пока у него еще держится душа въ тѣлѣ, до тѣхъ поръ онъ долженъ пить, ѣсть и одѣваться. Вы, старшіе много кое-чего себѣ присвоили изъ церковныхъ вещей и денежной казны. Ты же отрекся отъ нашего общаго пастыря Исаіи Копинскаго и едва не предалъ его на смерть ради своего мамона, а теперь измѣнилъ игумену Василію и намъ. Мы дѣйствовали согласно уговору съ тобою и въ нынѣшнемъ нашемъ пристанищѣ боготишномъ хочемъ и умереть" [2]).

Чрезвычайно интересны тѣ причины, которыя заставили монаховъ полтавскихъ монастырей, подвергаясь множеству непріятностей, уйдти изъ подданства Рѣчи Посполитой и поселиться въ какомъ-нибудь тихомъ пристанищѣ, назначенномъ благовѣрнымъ государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Вотъ какъ сами они изображаютъ эти причины. Черный попъ Пафнутій и игуменъ Василій говорили: Писалъ изъ г. Луцка

---

[1]) Ibidem, стр. 9—10.
[2]) Ibidem, стр. 11—12.

кн. Коширскій, воевода Волынскій, Лубенскому епископу Исаію, а Исаія писалъ уже къ игуменамъ и братіи Густынскаго и Мгарскаго монастырей, будто Польскій король, паны-рада и польскіе епископы приговорили на сеймѣ православную вѣру въ Польшѣ и Литвѣ искоренить, церкви поломать, книги русскія уничтожить; Кіевскій же митрополитъ Петръ Могила поставленъ папою теперь въ патріархи и далъ обѣщаніе превратить православные храмы въ польскіе костелы; митрополитомъ же назначенъ бывшій Пинскій епископъ Корсакъ; въ Кіево-Печерской лаврѣ отселѣ будутъ католическіе бернардины; въ Златоверхо-Михайловскомъ—доминикане“ [1]).

Вопросъ объ уніи послужилъ также предметомъ полемики между игумнами Густынскаго и Мгарскаго монастырей. Первый укорялъ втораго за обнаруживаемую имъ склонность къ уніи; тотъ отвѣчалъ на это ироническими замѣчаніями, что онъ не знаетъ, какова эта унія „чи з рогами, чи з голинятыми ногами, чи з усомъ, чи з бородою великою, чи пѣша, чи ѣздитъ“; въ отвѣтъ ему Густынскій игуменъ писалъ, что онъ удивляется, какъ тотъ, проживъ столько лѣтъ на свѣтѣ, не знаетъ, какова эта унія проклятая, въ которую онъ, очевидно, впутался и только не извѣстно, какъ выпутается; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на двоедушіе своего противника, который еще такъ недавно самъ же извѣщалъ его о назначеніи Петра Могилы патріархомъ и объ искорененіи православія [2]).

Въ поясненіе приведенныхъ выше фактовъ замѣтимъ слѣдующее. Царствованіе Сигизмунда III было очень тяжелою годиною для православія. Въ 1632 году онъ умеръ, и на избирательномъ сеймѣ православные, въ особенности волынское дворянство, рѣшились энергически поддерживать свои требованія о признаніи правъ за православною іерархіей. Дѣйствительно, вновь избранный король Владиславъ IV утвердилъ законное право существованія православной церкви и ея іерархіи въ государствѣ на ряду съ уніатскою. Впрочемъ, постановленіе о раздѣлѣ между православными и уніатами всѣхъ церквей и монастырей постоянно оттягивалось, ибо правительство было на сторонѣ уніи. Съ другой стороны, не оставляло оно и попытокъ къ соединенію православныхъ съ уніатами. Еще въ 1624 году митрополитъ русскій хотѣлъ устроить соборъ для выбора сообща патріарха; въ 1629 г., по мысли извѣстнаго ревнителя православія, потомъ обра-

---

[1]) Ibidem, стр. 5, 7—8.

[2]) Ibidem, стр. 10.

тившагося въ унію, Мелетія Смотрицкаго, состоялся другой соборъ во Львовѣ, но православные туда не явились. Теперь въ 1636 году Владиславъ IV издалъ окружную грамоту, въ которой приглашалъ на соборъ православныхъ и уніатовъ для избранія патріарха по образцу Москвы. Петръ Могила сочувственно относился къ этой мысли [1]); это обстоятельство и послужило поводомъ къ составленію того разказа, который сообщалъ Исаія Копинскій игумнамъ Густынскаго и Мгарскаго монастырей. Нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ у Исаіи Копинскаго могла быть извѣстная доля личнаго раздраженія противъ Петра Могилы; извѣстно, что Петръ Могила рѣшился занять митрополичью каѳедру еще при жизни Исаіи Копинскаго, правильно избраннаго и не отрѣшеннаго отъ митрополіи; будучи поставленъ на митрополію королемъ и рукоположенъ Волошскими митрополитомъ и епископами, онъ удалилъ стараго, дряхлаго, изнуреннаго болѣзнію Исаію въ Печерскій монастырь [2]). Между тѣмъ Исаія Копинскій заслуженно пользовался уже славою борца за православіе, особенно съ того момента, когда въ 1628 г. онъ, ко всеобщему изумленію, открылъ неправославіе Мелетія Смотрицкаго [3]). И если такія лица, какъ Смотрицкій, могли отпадать отъ православія и дѣлаться тайными адептами уніи, то понятно, почему могли заподозрить и Петра Могилу, который самъ подалъ къ этому нѣкоторый поводъ. Упоминаемый въ письмѣ Густынскаго игумна кандидатъ на Кіевскую митрополію Корсакъ былъ уніатскій епископъ, который былъ отправленъ съ посольствомъ къ папѣ и наиболѣе энергически настаивалъ на томъ, чтобы папа не признавалъ диплома, даннаго королемъ православнымъ [4]). Итакъ, причина удаленія православныхъ монаховъ въ Московское государство лежала въ уніи. Интересна ихъ дальнѣйшая судьба; имъ пришлось перенести не мало испытаній, прежде чѣмъ ихъ мечта о спокойномъ тихомъ пристанищѣ осуществилась. Въ іюлѣ 1638 г. старцы Густынскаго монастыря подали государю челобитную, а въ ней заявляли, что, пробывъ въ Путивлѣ пять недѣль безъ государева хлѣбнаго жалованья, они съѣли всѣ тѣ запасы муки, пшена и сухарей, которые привезли съ собою; послѣ этого они стали получать царское жалованье, но его оказывается недоста-

---

[1]) *Чистовичъ*. Очеркъ ист. Зап. Русск. Церкви, 31—35.

[2]) Свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ у Ерлича.

[3]) *Голловичъ*. Лит. церк. унія, т. II, стр. 181.

[4]) Ibidem, стр. 176.

точнымъ на 100 слишкомъ душъ; въ это время они лишились своего игумена о. Василія, а поминать его нечѣмъ; посему пусть государь прибавитъ имъ жалованья и назначитъ всѣмъ вмѣстѣ одинъ какой-нибудь монастырь [1]). Сначала хотѣли было помѣстить ихъ въ Бѣлевѣ, въ Преображенскомъ монастырѣ, но потомъ вышелъ царскій указъ поселиться имъ въ Дудинѣ монастырѣ Нижегородскаго уѣзда; монахи Мгарскаго монастыря были устроены тамъ же [2]). Какъ жилось имъ на новомъ мѣстѣ, не извѣстно. Столько же испытаній вынесли и старицы Ладинскаго монастыря. Въ своей челобитной онѣ писали, что пришли въ Путивль ограбленныя, босыя, нагія и помирали голодною смертью, ибо жалованья никакого не было; теперь имъ стали выдавать жалованье, но скудно, и потому пусть государь укажетъ имъ монастырь, гдѣ онѣ могли бы поселиться всѣ вмѣстѣ [3]). Государь опредѣлилъ было поселиться имъ въ Брянскѣ, въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ. Но этотъ монастырь былъ на столько тѣсенъ и неудобенъ, что размѣститься въ немъ новопришедшимъ монахинямъ не было никакой возможности. Въ своей челобитной духовникъ Меѳодій писалъ между прочимъ, что пришли они въ Брянскъ голодные, нагіе, и оказалось, что отведенный имъ монастырь на столько тѣсенъ и бѣденъ, что въ немъ съ трудомъ помѣщаются 50 его старицъ, а имъ дѣваться уже некуда. „Не попусти намъ болей“,—такъ заканчиваетъ Меѳодій—„волочитися по свѣту, умилосердися, пожалуй насъ, богомольцовъ своихъ, повели вновѣ намъ устроити монастырь, гдѣ будетъ мѣсто погожее на монастырь, и гдѣ твоя царская воля; православный царю, пожалуй насъ, богомольцовъ своихъ“ [4]). Въ свою очередь, посланный спеціально для осмотра этого монастыря Ив. Головинъ доносилъ, что нѣтъ возможности въ этомъ монастырѣ даже и пристроить келій [5]). Въ виду этого велѣно было перевести ихъ въ Алатырь, въ Никольскій дѣвичій монастырь; такимъ образомъ просьба о постройкѣ новаго монастыря, къ которому было бы отведено достаточное количество земли (на пахоту и сѣнокосы) и лѣсу уважена не была [6]). Очевидно, московское правительство желало новоприхожихъ

---

[1]) Акты Южн. и З. Р., т. III, стр. 16—17.
[2]) Ibidem, стр. 18, 20.
[3]) А. Южн. и З. Р., т. III, стр. 25.
[4]) Ibidem, стр. 24—25.
[5]) Ibidem, стр. 18—19.
[6]) Ibidem, стр. 24.

монаховъ и монахинь селить въ русскихъ монастыряхъ вмѣстѣ съ русскими монахами и монахинями.

Приведенными выше фактами не исчерпываются связи московскаго правительства съ православными южно-русскими монастырями. Въ 1640 г. явились въ Путивлѣ изъ Кіева митрополичій намѣстникъ изъ Печерской лавры іеромонахъ Игнатій, игуменъ Братскаго монашества Леонтій, игуменъ Выдубицкаго—Сильвестръ, Пустынно-Николаевскаго—келарь Митрофанъ за милостыней съ жалованными грамотами, изъ коихъ одна восходила еще къ царствованію Василія Ивановича; имъ были даны кормъ и подводы, и вслѣдъ затѣмъ они были отпущены въ Москву [1]). Въ свою очередь митрополитъ Петръ Могила ходатайствовалъ о милостынѣ для устроенія разоренныхъ уніатами церквей [2]); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ „паче всякой милостыни“ хотѣлъ, чтобы государь Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ соорудить въ Москвѣ монастырь, въ которомъ поселились бы монахи Кіево-Братскаго монастыря для того, чтобы молиться за Государя и обучать греческой и славянской грамотѣ дѣтей бояръ и простыхъ людей; „дѣло то“, говоритъ онъ,—„Богу угодно будетъ и твоему царскому величеству честно, и во всѣхъ странахъ преславно“ [3]). Каковъ былъ результатъ ходатайства, не извѣстно. Въ Москвѣ Государь далъ вышеназваннымъ игуменамъ слѣдующее жалованье: митрополичью намѣстнику камку, 40 соболей, 20 рублей денегъ; игуменамъ по камкѣ, 40 соболей и по 15 рублей [4]). Не довольствуясь этимъ, всѣ посланцы обратились съ новыми дополнительными челобитными, въ которыхъ просили прибавки жалованья, церковной утвари, церковныхъ книгъ, денегъ на украшеніе церквей. Нѣкоторыя книги московской печати были даны имъ безденежно (5 мѣсячныхъ миней [5]). Государь велѣлъ дать милостыню митрополиту Петру Могилѣ — соболей на 150 руб., Богоявленскому Братскому монашеству, Вырубицкому, Пустынно-Ни-

---

[1]) Ibidem, стр. 26—27; челобитныя отъ имени этихъ монастырей помѣщены также на стр. 29—32; о томъ, какой имъ выдавался кормъ и питье, см. также стр. 34—37; митрополичій намѣстникъ былъ недоволенъ скудностью отпускавшихся ему запасовъ и подавалъ царю челобитную о прибавкѣ ихъ; челобитная эта была удовлетворена; тамъ же, стр. 42—43.

[2]) Ibidem, стр. 27—29.

[3]) Ibidem, стр. 33.

[4]) Ibidem, стр. 41.

[5]) Ibidem, стр. 51.

колаевскому - соболями по 100 руб. [1]). На обратный путь всѣмъ посламъ также было выдано царское жалованье [2]).

Не успѣли уѣхать изъ Москвы всѣ эти лица, какъ въ Путивль явились старцы Прилуцкаго Густынскаго монастыря, изъ котораго, какъ мы знаемъ, незадолго передъ тѣмъ вся братья съ игуменомъ удалилась въ Москву; два раза Путивльскій воевода не пускалъ ихъ въ Москву, а давалъ небольшую милостыню въ самомъ Путивлѣ; наконецъ, за третьимъ разомъ они явились съ пропускною грамотою, данною имъ государемъ по просьбѣ молдавскаго посла, который выставилъ на видъ услуги, оказываемыя ему постоянно монастыремъ во время поѣздокъ въ Москву. Въ челобитной они указывали на свою бѣдность и невозможность достроить церковь, такъ какъ ушедшіе раньше въ Москву монахи забрали съ собою все имущество, а деревни и мельницы и всякія угодья, находившіяся прежде во владѣніи монастыря, отобраны княземъ Вишневецкимъ, который хочетъ за нихъ получить 1000 ефимковъ, говоря: „за чѣмъ ваша братья ушла безъ всякаго повода съ моей стороны"; въ заключеніе они указывали на свои услуги въ дѣлѣ сношенія Москвы съ Молдавіей. Челобитная эта была уважена: посланцамъ было выдано жалованье; а для монастыря государь отпустилъ соболей на 200 р. и много церковной утвари, книгъ, одежды и велѣлъ дать жалованную грамоту на свободный пріѣздъ за милостыней. Вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено, что игуменъ Густынскаго монастыря будетъ тайно пересылать государевы грамоты къ Молдавскому господарю и молдавскія — къ государю [3]).

Всѣ эти благодѣянія Московскаго правительства южно-русскимъ монастырямъ имѣли важное политическое значеніе: они подготовили почву для будущаго возсоединенія. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ охотно принималъ и греческихъ православныхъ монаховъ и тѣмъ снискалъ себѣ репутацію всеобщаго покровителя и защитника православія. Интересно, что кіевскіе старцы въ своихъ челобитныхъ о милостынѣ для украшенія церквей постоянно указываютъ на то, что церкви эти были построены прародителями нынѣшняго государя, великими князьями Владиміромъ и Ярославомъ; здѣсь проскальзывала мысль объ исконной принадлежности Кіева православ-

[1]) Ibidem, стр. 50.
[2]) Ibidem, стр. 52.
[3]) Ibidem, стр. 52—64.

нымъ Московскимъ государямъ. Понятное дѣло, что мысль эта съ большимъ сочувствіемъ встрѣчалась въ Москвѣ. Въ одномъ случаѣ (въ дѣлѣ Густынскаго монастыря) мы видѣли даже тайное посредничество монастыря въ дѣлѣ политическихъ сношеній Москвы съ Молдавіей; не говоримъ уже о томъ, что всѣ посланцы—игумены и старцы, пріѣзжая въ Москву или Путивль, доставляли вмѣстѣ съ тѣмъ вѣсти о политическомъ положеніи Польши, Литвы, южной Россіи, Крыма и Молдавіи, что̀ высоко цѣнилось московскимъ правительствомъ, собиравшимъ такія свѣдѣнія самыми разнообразными средствами.

IV.

До сихъ поръ всѣ черкасы, переходившіе изъ Польши на службу въ Московское государство, селились въ московскихъ украинныхъ городахъ. Но къ 1638 году, то-есть, ко времени движенія монаховъ южно-русскихъ монастырей, относится первое [1]) поселеніе малороссіянъ въ степяхъ, лежавшихъ за предѣлами русской осѣдлости въ Харьковской губерніи, на Чугуевомъ городищѣ, то-есть, на мѣстѣ

---

[1]) Преподобный Филаретъ, перечисляя переселенія черкасъ въ Московское государство, говоритъ, что первое переселеніе ихъ относится къ 1617 г., когда „до 10000 казаковъ оставили польскую Украйну и отошли къ Донцу; но иные изъ нихъ потомъ опять возвратились на луга Днѣпровскіе“ (Ист.-ст. опис. Харьк. Епархіи, отд. 1-е, стр. 6). Извѣстіе свое онъ основываетъ на лѣтописномъ повѣствованіи Ригельмана (Лѣтоп. пов. о Малой Россіи, кн. 1-я, стр. 34). Это требуетъ разъясненій и исправленій. Вопервыхъ, мы видѣли запорожскихъ казаковъ на службѣ у Московскаго государя еще въ XVI столѣтіи; слѣдовательно, первое переселеніе черкасъ нельзя относить къ началу XVII столѣтія. Вовторыхъ, если даже признать справедливымъ извѣстіе Ригельмана, то и тогда это переселеніе врядъ ли отличалось такимъ характеромъ, какъ переселеніе 1638 г. Ригельманъ не говоритъ, чтобы черкасы *поселились* на Донцѣ, а сообщаетъ только, что они ушли на Донъ и Донецъ, и если гдѣ они нашли себѣ пріютъ, то именно *на Дону* и только отчасти на нижнемъ теченіи Сѣвернаго Донца. Наконецъ, втретьихъ, самое извѣстіе Ригельмана отличается какою-то неопредѣленностью и неясностью; это удаленіе онъ объясняетъ желаніемъ польскаго правительства сократить по возможности число казаковъ и обратить ихъ въ хлоповъ; но мы знаемъ, что время Сагайдачнаго было блестящимъ періодомъ въ исторіи днѣпровскаго казачества, когда имъ удалось добиться наибольшихъ правъ. Съ другой стороны, и отношенія московскаго правительства къ малороссійскимъ казакамъ въ это время, какъ мы видѣли, были самыя натянутыя и даже враждебныя. Во всякомъ случаѣ, даже признавая достовѣрность этого извѣстія, нельзя сдѣлать изъ него заключеніе о постоянныхъ жилищахъ черкасъ по Донцу съ 1617 года.

нынѣшняго Чугуева. Всѣ приходившіе до сихъ поръ черкасы, какъ мы знаемъ, разселялись по московскимъ украиннымъ городамъ, лежавшимъ подъ часъ очень далеко отъ Путивльскаго рубежа; мы ихъ видѣли въ поволжскихъ и даже сибирскихъ городахъ; правда, еще въ XVI столѣтіи мы встрѣчали запорожскихъ казаковъ, исполнявшихъ сторожевую и станичную службу по рѣкамъ Донцу и Осколу, но они имѣли тамъ только временный пріютъ; ни одна изъ переселенческихъ партій не подумывала о постройкѣ для себя города въ степи за московскими украинными городами. Да и само правительство Михаила Ѳеодоровича въ началѣ не относилось сочувственно къ этой мысли. Мы уже знаемъ, что оно не одобряло прежней системы Іоанна IV Васильевича выдвигаться далеко въ степь; наоборотъ оно заботилось объ увеличеніи количества городовъ въ существующихъ уже украинахъ. Оно не уважило даже просьбы нововыѣзжихъ монаховъ о построеніи особаго отдѣльнаго монастыря въ предѣлахъ Московскаго государства. Но теперь была сдѣлана именно такая попытка.

Дѣло происходило такъ. Въ 1638 году явились въ Бѣлгородъ на государево имя казаки съ гетманомъ Яцкомъ Остреніномъ во главѣ. Свой переходъ они объясняли тѣми притѣсненіями, которымъ подвергается православная вѣра въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Въ своей челобитной они говорили, что въ литовской сторонѣ они держали христіанскую православную вѣру, а поляки хотѣли неволею обратить ихъ въ католичество и стали избивать ихъ самихъ, женъ и дѣтей; посему-то онъ, гетманъ съ черкасами, пришелъ въ государеву сторону [1]); по другой редакціи, новоприхожіе черкасы говорили такъ: „польскіе и литовскіе люди ихъ вѣру нарушили, церкви Божіи разоряютъ, ихъ избиваютъ, женъ и дѣтей ихъ сожигаютъ и тиранятъ—насыпаютъ за пазуху порохъ и зажигаютъ, отрѣзываютъ сосцы на грудяхъ“ [2])... Одинъ изъ казаковъ, бывшихъ съ гетманомъ Остреніномъ въ обозѣ подъ Чигиринъ—Дубровой, Ивашко Головинъ говорилъ въ распросѣ, что казаки стоятъ противъ поляковъ за вѣру, и если Богъ помилуетъ ихъ, то они со всѣмъ войскомъ и снарядомъ придутъ на государево имя, а въ другія земли идти не хотятъ, ибо тамъ живутъ невѣрные [3]). Мы видѣли, что та же причина заставила

---

[1]) Изданные мною Матеріалы, стр. 15.

[2]) Воронежскіе акты, кн. 1-я, стр. 100.

[3]) Арх. Мин. Юст. Ст. бѣлг. ст., № 3999.

густынскихъ и мгарскихъ монаховъ оставить свои монастыри и удалиться въ Московское государство. Но не одни только религіозные мотивы вызвали это удаленіе почти цѣлой тысячи казаковъ; здѣсь имѣли большое значеніе, какъ мы видѣли, и причины соціально-экономическія. Явились черкасы въ Бѣлгородъ въ 1638 г. съ женами и дѣтьми; самъ Яцко жену свою и сына прислалъ еще раньше. О личности Яцка Остренина мы имѣемъ много данныхъ; но данныя эти требуютъ критическаго разбора въ виду ихъ противорѣчиваго характера: по однимъ извѣстіямъ, гетманъ Остряница былъ казненъ въ Варшавѣ, а по другимъ онъ самъ спасся въ Московское государство и построилъ городъ Чугуевъ. Издатели „Воронежскихъ актовъ", напечатавъ грамоту объ убійствѣ Яцка Остренина въ Чугуевѣ, дѣлаютъ къ ней комментаріи и приходятъ къ заключенію о тожествѣ Остренина и Остряницы. Въ пользу своего мнѣнія они приводятъ два свидѣтельства: 1) по извѣстію Радзиминскаго, послѣ пораженія казаковъ на Солоницѣ и Старицѣ Остржанинъ убѣжалъ въ Москву и поселился на Дону [1]); 2) въ письмѣ воеводы Брацлавскаго къ кастеляну Краковскому отъ 6-го декабря 1638 г., между прочимъ говорится: „многократно я къ вамъ, милостивый государь, писалъ прося, дабы вы его королевскому величеству припомнить изволили, чтобъ этимъ своевольцамъ пресѣкъ путь къ побѣгу въ Москву, и чтобъ его королевское величество потребовалъ отъ царя выдачи всѣхъ измѣнниковъ, которые бѣжали туда.... оная выдача можетъ положить предѣлъ своевольствамъ" [2]). Но есть нѣкоторыя обстоятельства, мѣшающія такому отожествленію. Вопервыхъ, Остряницу звали, по малороссійскимъ источникамъ, Стефаномъ, а Остренина Яцкомъ или иначе Яковомъ; вовторыхъ, по чугуевской перепискѣ черкасы въ Чугуевѣ говорили своему гетману: „а въ гетмана тебе въ Литвѣ не выбирали, пожаловалъ тебе гетманомъ государь царь" [3]); между тѣмъ Остряница былъ избранъ гетманомъ въ Литвѣ; втретьихъ, по извѣстію малороссійскихъ лѣтописцевъ, Остряница былъ замученъ въ Варшавѣ вмѣстѣ съ Гунею, а Остренинъ убитъ возмутившимися противъ него казаками въ городѣ Чугуевѣ. На основаніи этихъ фак-

---

[1]) Маркевичъ, приводя это свидѣтельство замѣчаетъ: si non e vero, bene trovato (Ист. Мал. М. 1843 г., т. V, стр. 26—27).

[2]) *Маркевичъ*. Ист. Мал. М. 1842 г., т. III, стр. 48; документъ этотъ заимствованъ Маркевичемъ изъ библіотеки Залусскихъ.

[3]) *Филаретъ*, Ист.-стат. опис. Харьк. епархіи, отд. IV, стр. 31.

товъ преосвященный Филаретъ полагаетъ, что Остренинъ былъ родственникомъ, можетъ быть, братомъ знаменитаго Остряницы, и царь пожаловалъ его гетманомъ именно за заслуги его брата-мученика [1]). С. М. Соловьевъ отожествляетъ извѣстнаго малороссійскаго гетмана Остряницу съ Яцкомъ Остренинымъ, поселившимся въ Чугуевѣ. Нужно думать, что покойный историкъ нашъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи документы, которые подтверждали эту мысль. Впрочемъ, онъ дѣлаетъ одно чрезвычайно важное указаніе — приводитъ письмо Конецпольскаго къ королю, въ которомъ говорится: „Далъ мнѣ знать коммиссаръ, что Гуня, который начальствовалъ своевольниками противъ войска вашего, съ нѣсколькими другими начальными людьми ушелъ къ Остренину въ Москву“ [2]). Изъ этого письма видно, что что Остренинъ дѣйствительно ушелъ въ Москву, и къ нему же отправился потомъ и Гуня. Мы то же склонны отожествлять Остренина съ Остряницей и приведемъ отъ себя еще слѣдующія соображенія. Обратимся къ разбору соображеній преосвящ. Филарета; первое и третье основаны на малороссійскихъ лѣтописяхъ; преосвящ. Филаретъ ссылается на лѣтопись о войнахъ Хмельницкаго, на Ригельмана и, главное, на „Исторію руссовъ“; эта послѣдняя — источникъ чрезвычайно мутный; сочиненіе Ригельмана не заключаетъ въ себѣ самостоятельныхъ извѣстій о событіяхъ XVII вѣка. А этимъ источникамъ противополагаются свидѣтельства современниковъ и офиціальныхъ документовъ. И тѣ, и другіе согласно утверждаютъ, что казаки послѣ неудачнаго сраженія съ поляками удалились въ Московское государство вмѣстѣ съ гетманомъ Яковомъ Остриниомъ. Правда, можно предположить, что Яковъ Остренинъ былъ братъ или сынъ казацкаго предводителя Остряницы, и это какъ бы подтверждается словами казаковъ, которые говорили Остренину въ Чугуевѣ: „мы де гетманомъ тебя въ Литвѣ не выбирали, а назначилъ тебя государь“. Но это выраженіе можно понимать и толковать различно; можно понимать его и буквально, что казаки въ Литвѣ не выбирали Остряницу гетманомъ; и дѣйствительно, въ это время настоящимъ, утвержденнымъ отъ правительства предводителемъ реестровыхъ казаковъ былъ Ильяшъ Караимовичъ, назначенный послѣ пораженій, нанесенныхъ казакамъ Павлюка подъ Кумейками и Боровицей; впрочемъ Ильяшъ Караимовичъ назывался не гетманомъ, а только старшимъ; еще

---

[1]) Ibidem, стр. 37—38.

[2]) *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, X, стр. 120.

меньшее формальное право на такой титулъ имѣлъ Остряница, бывшій только главою возставшихъ запорожцевъ и раздѣлявшій свою власть со Скиданомъ; расположенные къ нему казаки могли называть его гетманомъ; такой титулъ оставилъ за нимъ и Московскій государь; но противники въ спорѣ всегда могли ему поставить на видъ, что онъ не былъ настоящимъ гетманомъ. Но кромѣ этихъ общихъ разсужденій, мы можемъ привести еще одно фактическое указаніе въ пользу того, что чугуевскій Остренинъ былъ предводителемъ казаковъ подъ Голтвой и Желнинымъ. Одинъ изъ выходцевъ, Ивашко Головинъ, сообщалъ въ 1638 г. слѣдующее: „Сидѣлъ онъ въ обозѣ съ казаками на полѣ подъ Чигиринъ Дубровою съ козацкимъ гетманомъ съ Яковомъ Остряниномъ, и ляхи козаковъ осилили и осадили, такъ что тѣ стали терпѣть голодъ; четверикъ хлѣба продавался по 5 руб.; теперь въ обозѣ козаковъ тысячъ 12, а осадили ихъ паны Вишневецкій, Потоцкій да Лащъ; его въ числѣ другихъ козаковъ (всего 300 чел.) отправили изъ обоза для покупки хлѣба въ Черниговъ; но изъ Чернигова вышелъ староста и разсѣялъ ихъ отрядъ; онъ ушелъ въ Брянскъ“ [1]). Это извѣстіе не оставляетъ, кажется, сомнѣнія въ тожествѣ Остренина и Остряницы, ибо Чигиринъ Дуброва лежитъ возлѣ Жовнина [2]). Но если такъ, то къ тому же Яцку, а не къ Стефану Остряницѣ, относится еще одно достовѣрное извѣстіе; въ актахъ о казакахъ, изданныхъ Кіевскою временною коммиссіей, мы находимъ одинъ документъ, въ которомъ король Владиславъ даетъ Мацѣю Доманскому, рядовому изъ хоругви Сам. Лаща, въ вѣчное владѣніе все движимое и недвижимое имущество, конфискованное у кіевскихъ казаковъ Яхна Жилинскаго и Яцка Остряницы [3]). Такимъ образомъ Яцко Остряница былъ кіевскій казакъ, а не нѣжинскій полковникъ, какъ говорятъ нѣкоторыя малороссійскія извѣстія. Но неужели извѣстія малороссійской лѣтописи о сожженіи Остряницы и Гуни въ Варшавѣ не имѣютъ никакого историческаго основанія? Самый фактъ казни нѣкоторыхъ казацкихъ предводителей въ Варшавѣ остается достовѣрнымъ, но спутались только у позднѣйшихъ разказчиковъ имена и фамиліи лицъ. Очень можетъ быть, что Остряница былъ дѣйствительно замученъ въ Варшавѣ, но только не Яковъ, а его отецъ; такъ предполагаетъ С. М. Соловьевъ, и та-

[1]) Архивъ Мин. Юст. Столб. бѣлг. стола, № 3999.

[2]) См. карту Боплана у *Бантышъ-Каменскаго*.

[3]) Арх. Ю. З. Росс., ч. 3, т. I, стр. 372:

кое предположеніе значительно сглаживаетъ противорѣчіе источниковъ. Какъ бы то ни было, даже Ригельманъ, говорящій о казни Остряницы въ Варшавѣ, сообщаетъ намъ свѣдѣнія о переходѣ малороссійскихъ казаковъ на службу въ Московское государство и о поселеніи ихъ возлѣ донскихъ казаковъ по Сѣверскому Дону и другимъ рѣкамъ [1]).

Пришедшіе черкасы были приведены къ присягѣ: вѣрно служить государю и его семейству, ни съ какой службы не бѣгать, въ литовскую сторону безъ разрѣшенія не ходить, ни съ татарами, ни съ поляками, ни съ литовцами, ни съ оставившимися черкасами не ссылаться, ни для разбоевъ, ни для грабежа, ни для воровства туда не ходить, потому что государь съ королемъ Владиславомъ находится въ союзѣ, письма зазывныя показывать воеводѣ, скопомъ и самовольствомъ никого не грабить [2]). Остренинъ и его казаки явились съ женами и дѣтьми, съ лошадьми, коровами и овцами; среди пришельцевъ было также не мало пашенныхъ мужиковъ и мастеровыхъ [3]). Не смотря на то, что Чугуево городище стояло въ самой степи на татарскихъ сакмахъ, вдали отъ жилыхъ государевыхъ мѣстъ, такъ что хлѣбные запасы могли доставляться туда съ большимъ трудомъ, государь разрѣшилъ пришельцамъ основать себѣ тамъ поселеніе, построить городъ и всякія крѣпости; было принято во вниманіе соображеніе, которое выставляли сами черкасы—что если ихъ будутъ отправлять партіями въ разные украинные города, то на дорогѣ у нихъ пропадетъ весь скотъ и пчелы, и оттого они оскудѣютъ [4]) Такимъ образомъ, главная причина устройства новоприхожихъ черкасъ на дикихъ татарскихъ степяхъ, а не въ украинныхъ московскихъ, городахъ, заключается въ томъ, что они явились сразу въ очень значительномъ количествѣ со своими семьями и со всѣмъ домашнимъ имуществомъ. Понятно, почему московское правительство обнаружило такую заботливость о новыхъ переселенцахъ. Въ лицѣ ихъ оно получало мужественныхъ борцовъ со своими врагами, передовой оплотъ противъ татаръ. Всего пришло съ гетманомъ и сотни-

---

[1]) Лѣт. Пов. о Мал. Росс., ч. 1, стр. 45; мѣсто поселенія здѣсь обозначено довольно неопредѣленно.

[2]) Рукопись Историко-филологическаго общества. Стол. подд. отпис. Чуг. воев. № 3.

[3]) Архивъ Мин. Юст. т. бѣлг. стола, № 4008.

[4]) Ibidem.

ками 865 рядовыхъ казаковъ. Впослѣдствіи еще явились изъ Азова атаманъ Мих. Карповъ съ 43 казаками и изъ литовскихъ городовъ атаманъ Васильевъ съ 40 человѣками; ихъ также велѣно было устроить наравнѣ съ прежними и выдать жалованье [1]). Такимъ образомъ, всѣхъ рядовыхъ казаковъ было 948 чел. У гетмана былъ сынъ Андрей; кромѣ гетмана, были еще слѣдующіе начальники: войсковой есаулъ Иванъ Гордѣевъ, войсковой подъячій (то-есть, писарь) Филонко Юрьевъ, сотники Мих. Переяславецъ, Богданъ Матюшенко, Мокѣйко Володимеровъ, Разсоха, пятидесятники и десятники. Явился, слѣдовательно, цѣлый отрядъ или, вѣрнѣе сказать, полкъ, сохранившій правильное полковое военное устройство. Гетманскій титулъ ихъ начальника закрѣплялъ и санкціонировалъ это казацкое устройство и на будущее время. Правда, мы видѣли, что и прежнія партіи черкасъ, поселявшіяся въ московскихъ украинныхъ городахъ, сохраняли до нѣкоторой степени свой прежній казацкій строй. Но въ то время, какъ тамъ мы могли видѣть только однѣхъ десятниковъ и пожалуй иногда пятидесятниковъ и сотниковъ, здѣсь были не то генеральные, не то полковые есаулъ и писарь и, наконецъ, самъ гетманъ, власть котораго должна была быть значительнѣе полковничей; разница во всякомъ случаѣ очень существенная. Казацкое устройство новыхъ переселенцевъ не было нарушено центральнымъ правительствомъ; всѣ эти „уряды“ мы встрѣчаемъ и въ 1640, и въ 1641 г., когда черкасы ушли изъ Чугуева. Но рядомъ съ властью гетмана и другихъ казацкихъ начальниковъ была поставлена власть воеводы, который являлся органомъ правительства. Въ самомъ началѣ на Чугуево городище былъ отправленъ только писецъ Максимъ Лодыженскій для постройки острога и устройства черкасъ; Максимъ Лодыженскій находился въ непосредственной зависимости отъ Бѣлгородскаго воеводы, князя Пожарскаго. Съ нимъ же былъ отпущенъ нарядъ—пушки, пищали, порохъ и свинецъ. Скоро впрочемъ въ Чугуевъ было послано самостоятельное лицо—воевода кн. Щетининъ, который былъ независимъ отъ Бѣлгородскаго воеводы; „нынѣ князю Пожарскому Чугуева ни въ чемъ вѣдать не велѣно“. Съ кн. Щетининымъ отравлены были русскіе служивые люди—изъ Бѣлгорода 50 человѣкъ дѣтей боярскихъ, 25 конныхъ казаковъ, 25 пѣшихъ стрѣльцевъ; изъ Курска—40 дѣтей боярскихъ, 40 конныхъ казаковъ, съ Оскола 10 дѣтей боярскихъ, 10 кон-

[1]) Архивъ Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

ныхъ казаковъ; всего 200 человѣкъ [1]); слѣдовательно, служилыхъ людей въ Чугуевѣ было въ пять разъ меньше, чѣмъ черкасъ. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на инструкціи, полученной воеводою кн. Щетининымъ, такъ какъ это относится уже къ характеристикѣ управленія; замѣтимъ только, что главною обязанностью воеводы было наблюденіе за безопасностью города; съ черкасами онъ долженъ былъ обращаться ласково, но всячески наблюдать, чтобы между ними не завелось измѣны [2]). Для дворового строенія и первоначальнаго обзаведенія имъ велѣно было выдать денежное и хлѣбное жалованье въ слѣдующемъ размѣрѣ: гетману съ сыномъ—40 р. и 20 четв. ржи, войсковому есаулу 15 р. и 10 четв. ржи, войсковому подъячему — 10 р. и 8 четв. ржи, сотникамъ—по 8 р. и по 8 четв. ржи, пятидесятникамъ по 7 р. и по 7 четв, ржи, десятникамъ по 6½ р. и по 6 четв. ржи, рядовымъ по 5 р. и по 5 четв. ржи; но вмѣсто этого хлѣба рѣшено было выдать имъ деньгами за четверть ржи по 13 алтынъ и 2 деньги; кромѣ того, на сѣмена приказано было отпустить имъ 1500 четвертей ржи. Всего дано было въ первой посылкѣ на строенье и за хлѣбъ 616 чел. 5068 р. 3 алт., 2 д.; въ другой — остальнымъ 396 чел. 3210 р., 23 алт., 2 д.; всего и начальниковъ и рядовыхъ было 1012 чел., и они получили 8278 р., 26 алт., 4 д. [3]), то-есть, въ среднемъ около 8 р. на человѣка. На эти-то средства они должны были построить себѣ жилища и начать распахивать отведенныя имъ земли подъ пашню. Такое же жалованье выдавалось и въ слѣдующемъ 1640 и въ 1641 году. Интересно при этомъ, что оно превышало жалованье, получаемое русскими людьми; въ то время, какъ никто изъ черкасъ не получалъ менѣе 5 р. въ годъ, русскіе служилые люди получали по 5 р., 4 р. 25 алт., 4 р. и даже 3 рубля.

Трудно было на первыхъ порахъ новымъ поселенцамъ. Въ одно и то же время они должны были строить города и всякія укрѣпленія и заботиться о постройкѣ для себя жилищъ, о заведеніи пахатныхъ земель и всякихъ угодій. Постройка острога было дѣло не легкое. Въ своей челобитной чугуевскіе черкасы писали, что они сами поставили острогъ и шесть башенъ, а остальныя три по разверсткѣ должны были сдѣлать русскіе люди [4]). Постройка жилищъ, по видимому, окон-

---

[1]) Архивъ Мин. Юстиціи. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

[2]) Ibidem.

[3]) Архивъ Мин. Юст. Столб. бѣлг. стола, № 4008.

[4]) Изданные мною Матеріалы, стр. 14.

чилась скоро. Нѣсколько затормозилось только дѣло съ посѣвомъ хлѣба, но виноваты въ этомъ были не черкасы, а Бѣлгородскій воевода кн. Пожарскій. Дѣло происходило такимъ образомъ. 14-го апрѣля 1639 г. Бѣлгородскому воеводѣ приказано было отпустить чугуевскимъ черкасамъ на сѣмена овса: гетману съ сыномъ 15 четв., войсковому есаулу 7, войсковому дьячку 5, десяти сотникамъ по 4, девяти пятидесятникамъ по 3 съ осьминою, 102 десятникамъ по 3 ч., 887 рядовымъ по 2 ч. съ осьминою; всего 2622 чети; весь этотъ овесъ нужно было отправить изъ Бѣлгорода водянымъ путемъ, то-есть, по р. Сѣверскому Донцу [1]). Но ледъ на Донцѣ вскрылся очень рано, такъ что во время наступившаго половодья бѣлгородцы и донскіе казаки на готовыхъ судахъ ушли на Донъ извозомъ до полученія государева указа; воевода, по его объясненію, хотѣлъ было взять подводы у бѣлгородскихъ жителей, чтобы доставить эти сѣмена сухимъ путемъ, но все населеніе подало ему челобитную, въ которой заявляло, что отправить этого овса имъ и некѣмъ, и нечѣмъ, и эту челобитную онъ отослалъ въ Москву. Между тѣмъ въ это время прошла уже и пора посѣва. Чугуевскіе черкасы отъ себя подавали по этому поводу нѣсколько челобитныхъ Щетинину, а тотъ писалъ три раза въ Бѣлгородъ къ князю Пожарскому; и только послѣ 17-го мая, когда уже прошло время посѣва, этотъ послѣдній потребовалъ, чтобы чугуевскіе черкасы сами пріѣхали въ Бѣлгородъ. Черкасы отказывались ѣхать и ссылались на свою бѣдность, разореніе и отсутствіе лошадей [2]). Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ челобитныхъ Бѣлгородскій воевода изъ Москвы получилъ выговоръ. „Напрасно ты принялъ челобитную бѣлгородцевъ“, писали ему изъ разряда,—„потому что они не дѣлаютъ ни судовъ для отпуска на Донъ, ни отправляютъ на нихъ хлѣба, а въ нынѣшнемъ 1639 году зимою хлѣбныхъ запасовъ ни въ какіе новые города не возили, а между тѣмъ воронежцы отправляли ихъ на Усердъ и также строили суда и отсылали нашихъ служилыхъ людей и собранный хлѣбъ на Донъ, осколяне въ Яблоновъ, куряне тоже въ Яблоновъ и Бѣлгородъ. Во всякомъ случаѣ бѣлгородцы, отправившіеся на Донъ, могли захватить съ собою хотя нѣкоторое количество сѣмянъ или же доставить подводы для отсылки сухимъ путемъ. Ты же сдѣлалъ имъ „поноровку“; а между тѣмъ самъ вѣдаешь, что на Чугуевѣ устроены черкасы; хлѣбныхъ запасовъ и земель у нихъ нѣтъ; подъ яро-

[1]) Архивъ Мин. Юстиціи. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

[2]) Изданные мною Матеріалы, стр. 13—14.

вой хлѣбъ они уже заготовили землю, которая осталась не засѣянною; сами же они отъ голода хотятъ разойтись съ Чугуева, потому что яроваго хлѣба нисколько не посѣяли, и это все сдѣлалось по твоей винѣ. Теперь ты долженъ отправить въ Чугуевъ 1500 четв. ржи водянымъ путемъ, а если нельзя будетъ почему-либо отправить ее водою, то сухопутьемъ на телегахъ бѣлгородцевъ; для сопровожденія этой ржи долженъ явиться въ Чугуевъ воевода Щетининъ съ черкасами, а ты отрядить своихъ служилыхъ людей для защиты татарскихъ нападеній. Если же всѣ черкасы цѣлымъ городомъ явятся за этою рожью въ Бѣлгородъ, то можно имъ отдать ее, не отряжая проводниковъ" [1]). Черкасы, какъ мы видѣли, въ своей челобитной заявляли, что ѣхать за рожью въ Бѣлгородъ они не могутъ, потому что не имѣютъ лошадей. Когда же было привезено, наконецъ, 430 четвертей овса въ Чугуевъ, то черкасы отказались взять его и построить для него житницы, потому что время посѣва прошло, такъ что кн. Щетининъ отправилъ его обратно въ Бѣлгородъ [2]). Не смотря на эти столкновенія, черкасы охотно принимались за обработку земли. Самъ воевода Щетининъ доносилъ, что гетманъ и черкасы въ Чугуевѣ построились дворами и земли свои пашутъ; особенно много посѣяно ими было яроваго хлѣба. Урожай всѣхъ хлѣбовъ вышелъ очень хорошій; въ торговые дни шла бойкая продажа хлѣба: пшеничная мука продавалась по 20 алтынъ за четверть, а ржаная по полтинѣ. Между тѣмъ русскіе люди, не смотря на указы, не охотно брались за земледѣліе; стрѣльцы, объясняя свое нежеланіе, говорили, что они люди пѣшіе и потому взять отмежеванныхъ имъ земель не могутъ [3]).

Такая склонность чугуевскихъ черкасъ къ земледѣлію объясняется тѣмъ, что и на родинѣ у себя они были земледѣльцами, владѣвшими въ украинныхъ старостваxъ землями и угодьями. Условія земледѣльческой культуры, можно сказать, оставались одни и тѣ же: почва, климатъ Чугуевскаго уѣзда мало чѣмъ отличались отъ почвы и климата Полтавской или Кіевской губерній; и тамъ, и здѣсь нужно было выходить на посѣвы или сѣнокосъ съ оружіемъ въ рукахъ и быть готовымъ всякую минуту отразить врага. Приходилось только приспособляться къ новой для переселенцевъ формѣ землевладѣнія— помѣстной системѣ; но идея этой послѣдней не была совершенно чужда

[1]) Арх. Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008.
[2]) Ibidem.
[3]) Арх. Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

малороссіянамъ; и въ своихъ украинныхъ старостваxъ они должны были вести воинскую службу за тѣ земли и угодья, которыми пользовались. Центральное правительство рѣшилось устроить чугуевскихъ черкасъ на помѣстномъ правѣ. По челобитной самихъ черкасъ, которые писали, что мѣста подъ дворы и огороды имъ отведены, а подъ пашню нѣтъ, государь велѣлъ послать изъ помѣстнаго приказа указъ къ Максиму Лодыженскому описать и измѣрить ближнія подгородныя и дальнія земли, сѣнные покосы, рыбныя ловли, лѣса, бортныя ухожья, перевѣсища и всякія угодья. Посланный съ этою цѣлью изъ помѣстнаго приказа писецъ съ Максимомъ Лодыженскимъ и тѣми бѣлгородцами, которымъ принадлежали земли возлѣ Чугуева, долженъ былъ опредѣлить, какія земли отойдутъ къ Бѣлгороду, а какія къ Чугуеву, и провести межу, чтобы впередъ было „вѣчно и стоятельно". Вслѣдъ затѣмъ гетманъ долженъ былъ получить 120 ч. въ полѣ, а вдву потомужъ, сынъ его—40, войсковой есаулъ—50, войсковый дьячекъ—40, 10 сотниковъ—по 35, пятидесятники—по 30, 102 десятника—по 25, 887 рядовыхъ по 20 ч., 2 священника—по 30 ч.; 12 чел. дѣтей боярскихъ кормовыхъ—по 25 ч. Все это должно быть записано въ книги [1]).

Такимъ образомъ черкасы получили всего 21550 четвертей въ полѣ да вдву потому-жъ, то-есть, 64650 четвертей или 32325 десятинъ. Нужно впрочемъ полагать, что сюда не вошли сѣнокосныя земли, лѣса и всякія угодья, количество которыхъ должно было быть значительнѣе пахатныхъ земель. Но если мы удвоимъ или даже утроимъ полученную нами цифру, то она будетъ все-таки слишкомъ незначительна сравнительно съ общимъ количествомъ земель и угодій Чугуевскаго уѣзда, занимавшаго громадный кусокъ Харьковской губерніи до самой Бѣлгородской волости. Простора было много. Почвы для поземельныхъ споровъ, по видимому, не было. Но на дѣлѣ они явились. Съ чугуевскими служилыми людьми, дѣтьми боярскими, споръ вышелъ изъ за урочища Кабановой поляны, заключавшей въ себѣ 2000 четей и всякія угодья [2]); здѣсь устроены были потомъ пасѣки и сѣнокосы [3]). Для объясненія его нужно припомнить, что еще въ первой половинѣ XVII вѣка нѣкоторыя лица владѣли по-

---

[1]) Изданные мною Матеріалы, стр. 15—16.

[2]) Архивъ Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008; объ этомъ урочищѣ мы встрѣчаемъ упоминанія еще въ Книгѣ Большаго Чертежа.

[3]) Арх. Мин. Юст. Столб. бѣлг. стола, № 4033.

мѣстьями въ Донецкой волости. Съ ними-то теперь и начались, по видимому, пререканія при описаніи и размежеваніи земель. По крайней мѣрѣ чугуевскіе черкасы въ своей челобитной государю заявляли, что бѣлгородскіе помѣщики и вотчинники грамотъ на свои владѣнія передъ Макс. Лодыженскимъ не положили, и потому эти земли (по Донцу, Удамъ, Лопани и Харькову), должны отойдти къ нимъ, чугуевцамъ [1]). Какъ мы видимъ, эти спорныя земли занимали значительное пространство—бассейнъ р. Уды и его притоковъ Харькова и Лопани. Хотя тамъ были помѣстныя четвертныя земли, но онѣ состояли изъ оземельныхъ участковъ неопредѣленной величины, въ которыхъ владѣльцы ихъ занимались звѣроловствомъ, рыболовствомъ, бортничествомъ и т. п. Къ такимъ же промысламъ стремились и чугуевскіе черкасы: на этой именно почвѣ и могли только происходить столкновенія. Звѣроловство, рыболовство и другіе промыслы требовали громаднѣйшихъ пространствъ. Понятно, слѣдовательно, почему чугуевскіе черкасы желаютъ получить въ свое владѣніе земли по рр. Удамъ, Лопани и Харькову, хотя онѣ лежали на значительномъ разстояніи отъ Чугуева [2]). Въ документахъ мы находимъ прямыя указанія на такіе промыслы; пасѣки чугуевскихъ черкасъ находились въ 20 и даже 30 верстахъ отъ города, такъ что туда постоянно являлись воровскіе черкасы, похищали лошадей, выдирали пчелъ и избивали людей [3]). На Сѣверскомъ Донцѣ были ихъ мельницы, которыя мѣшали правильному и безостановочному движенію судовъ изъ украинныхъ городовъ на Донъ и обратно съ хлѣбными запасами и со всякими товарами. Чугуевскій воевода жаловался на это и заявлялъ, что мельницы можно бы строить на маленькихъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Донецъ [4]). Кромѣ того, мы встрѣчаемъ въ документахъ частыя указанія на звѣроловство и другіе промыслы.

Кромѣ жалованья и земельныхъ угодій, чугуевскіе черкасы пользовались еще нѣкоторыми льготами. Такъ, имъ было позволено ходить

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Столб. бѣлг. стола, № 4008.

[2]) Въ октябрѣ 1641 г. гетманъ и всѣ черкасы подали государю челобитную, въ которой жаловались, что въ 1639 г. Максимъ Лодыженскій да Ключаревъ отвели имъ во владѣніе бортный ухожай—Салтовскій юртъ, а въ 1640 г. князь П. Щетининъ отдалъ его бѣлгородцу Семену Маслову съ племянниками; см. рукопись Ист. Фил. Общ. Ст. подлинныхъ отписокъ Чуг. воев. № 10.

[3]) Архивъ Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

[4]) Архивъ Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

на Донъ [1]). Литовскіе и русскіе купцы могли приходить въ Чугуевъ и вести здѣсь безпошлинную торговлю, они не должны были привозить только заповѣдныхъ товаровъ, каковыми считались горячее вино и табакъ [2]). Наконецъ, священники черкасскіе также получили земли и жалованье, церкви—церковныя книги и другіе необходимые предметы. Черкасскимъ священникамъ было отведено по 30 четей земли; жалованье они получали въ слѣдующемъ размѣрѣ: священники по 6 р., 7 четв. ржи, 7 четв. овса; діаконы по 4 р., 7 четв. ржи и 7 четв. овса, дьячки и просфорницы по 2 р., 4 ч. ржи и 2 четв. овса [3]). Въ документахъ мы находимъ указаніе, что въ соборный храмъ Преображенія Господня были отправлены слѣдующія церковныя книги—Уставъ, цѣною въ 2 р. 12 алт., два Октоиха, Евангеліе толковое, цѣною въ 2 р. 10 алт., Служебникъ—въ 1 р. 3 алт., 60 денегъ. Псалтырь, въ 28 алт. 2 д., 4 Трефолои въ 7 р. 4 гр., Потребникъ новой печати въ 2 р. 4 гр. Впрочемъ, это были только добавочныя книги; другія были присланы раньше [4]). Вышедшій изъ Польши съ одною партіей черкасъ священникъ о. Игнатій въ своей челобитной писалъ государю: „Вышелъ я со своими духовными дѣтьми съ 50 чел. на государево имя съ женою, дѣтьми, дьячкомъ, пономаремъ и просфорницей; вернувшись изъ Москвы, гдѣ на патріаршемъ дворѣ былъ поставленъ во священники, я прошу дозволенія устроить въ слободѣ церковь трудами своихъ духовныхъ чадъ, которые потомъ и будутъ моими прихожанами, и въ эту церковь пусть государь укажетъ мнѣ дать священныя книги и колокола“ [5]). По всей вѣроятности, эта просьба была удовлетворена только отчасти, а церковь, во всякомъ случаѣ, въ слободѣ была выстроена. Въ писцовой книгѣ 1647 г. описывается храмъ Николая чудотворца за Чугуевною въ слободѣ; въ немъ былъ придѣлъ св. великомученицы Параскевы, нареченныя Пятницы, а всѣ образа, книги и ризы принадлежали священнику и прихожанамъ [6]). Такимъ образомъ въ Чугуевѣ была сначала одна соборная церковь, но уже въ 1640 г. была положена въ слободѣ на иждивеніе однихъ черкасъ другая, приходская, которую они и содер-

---

[1]) И дѣйствительно, въ 1639—1640 гг. ушло туда 136 чел.; см. *Филарета* „Истор.-ст. опис. Харьк. еп.“, отд. IV, стр. 29—30.

[2]) Арх. Мин. Юст. Столб. бѣлг. стола, № 4008.

[3]) Арх. Мин. Юст. Столб. бѣлг. стола, № 4033.

[4]) Арх. Мин. Юст. Столб. бѣлг. стола, № 4033.

[5]) Арх. Мин. Юст. Ст. бѣлг., стола, № 4008.

[6]) *Филаретъ*. Ист.-ст. оп. Хар. еп. отд. IV, 13.

жали; вся утварь въ ней и даже церковныя книги были привезены изъ Польши.

Таковы были льготы чугуевскихъ черкасъ. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что матеріальное положеніе чугуевскихъ черкасъ было довольно удовлетворительное: у нихъ было достаточно плодородной земли и всякихъ угодій, скота; у очень многихъ были пасѣки; многіе занимались звѣроловствомъ и рыболовствомъ. Изъ росписи имущества, оставленнаго бѣглыми черкасами въ Чугуевѣ, видно, что у каждаго изъ нихъ былъ дворъ, одна или нѣсколько коровъ, иногда волы, извѣстное количество молоченнаго и не молоченнаго хлѣба, ржи, проса, пшеницы. Послѣ же сотника Разсохи осталось довольно много имущества: 8 рабочихъ воловъ, 4 коровы дойныя, 5 телятъ, 38 ульевъ пчелъ, 16 свиней; молоченнаго хлѣба: проса 3 четверика, ржи 3 четвер., овса 2 четв., гороху 1 четвер.; не молоченнаго $^1/_2$ стожка ржи, 3 копны проса и гречи. Не забудемъ, что это была, по всей вѣроятности, незначительная часть всего хозяйства: остальное должно было быть увезено [1]).

За все это черкасы должны были нести воинскую службу. Мы уже знаемъ, что они сами, безъ помощи русскихъ служилыхъ людей, построили крѣпость въ Чугуевѣ,—не достроено было только три башни. Крѣпость эта была устроена по образцу другихъ украинныхъ московскихъ крѣпостей. Но кромѣ городскихъ укрѣпленій, нужно было сдѣлать еще укрѣпленія и около города, для предупрежденія татарскихъ нападеній. Съ ногайской, то-есть, съ лѣвой стороны Донца подъ городомъ, былъ большой лѣсъ, въ который перегоняли лѣтомъ стада; тамъ предполагалось поставить надолбы; въ Чугуевскомъ уѣздѣ былъ Салтовскій бродъ черезъ Донецъ; черезъ него свободно переходили татары и забирали по посѣкамъ у черкасъ скотъ; тамъ поставлены были сторожа изъ пяти человѣкъ и рѣшено было построить укрѣпленіе [2]). Гетманъ Яцко Остренинъ и всѣ черкасы подали челобитную, въ которой просили позволенія строить всякія крѣпости, въ виду ожидаемаго нападенія поляковъ, и заявляли, что у нихъ теперь военныхъ запасовъ очень мало — 5 мѣдныхъ короткихъ пушекъ, съ 500 ядеръ, пороху 26 п., свинца [3]) 42 п.; 5 большихъ пушекъ, пожалованныхъ государемъ, воевода имъ не прислалъ; вѣстовая пушка,

[1]) Изданные мною Матеріалы, стр. 17—18.

[2]) Арх. М. Ю. ст. Бѣлг. стола, № 4033.

[3]) Ibid. № 4008.

данная въ 1638 году изъ Бѣлгорода, дырява, и стрѣлять изъ нея не возможно. Въ заключеніе черкасы просили, чтобы государь пожаловалъ ихъ—далъ имъ пушекъ, пищалей, пороху, литавровъ, барабановъ, знаменъ и всякихъ воинскихъ запасовъ, чтобъ имъ можно было противъ враговъ выступать [1]). Вообще недостатокъ воинскихъ запасовъ возбуждалъ постоянныя жалобы чугуевскихъ черкасъ, особенно въ виду того, что, кромѣ постояннаго врага—татаръ, имъ грозили нападеніемъ поляки, не довольные за удаленіе Остренина въ московскіе предѣлы.

Но еще большее неудовольствіе вызывала требовавшая постояннаго напряженія сторожевая и станичная служба. Черкасы, напримѣръ, содержали караулъ въ большомъ острогѣ, перемѣняясь по 50 человѣкъ [2]), посылали сторожей и станичниковъ по разнымъ урочищамъ; станичники малороссійскіе, не получая жалованья, стали бѣгать за рубежъ въ Литву. Чугуевскій воевода отписывалъ царю, что черкасы, сравнительно съ прежнимъ временемъ, оказываютъ большое непослушаніе; сотники Розсоха и Поповъ заявляютъ ему жалобы на тяжесть станичной службы: „ты де выбираешь въ станицы самихъ лучшихъ козаковъ и насъ разразниваешь, а мы неволею служить не охочи“; такое же неудовольствіе выражали, впрочемъ, и стрѣльцы. Вообще на воеводу Щетинина былъ цѣлый рядъ неудовольствій, какъ со стороны черкасъ, такъ и со стороны русскихъ людей; жаловались на отягощеніе воинскою службой, на запрещеніе отлучаться на звѣриные промыслы, на захватъ назначеннаго для нихъ жалованья [3]), Встрѣчались примѣры и явнаго ослушанія. Такъ, однажды одинъ чугуевецъ, занимаясь охотой, увидѣлъ татаръ и далъ знать объ этомъ въ Чугуевъ. Значительная часть черкасъ и русскихъ служилыхъ людей отказалась идти на поиски за ними [4]). Въ другой разъ большинство казаковъ возвратилось съ дороги, такъ что съ гетманомъ Остреніномъ, не смотря на всѣ его убѣжденія, осталось только человѣкъ 15 [5]).

Эти неудовольствія на воеводу Щетинина со стороны всѣхъ чугуевскихъ жителей вызвали его удаленіе; на мѣсто его былъ назна-

---

[1]) Изданные мною Матеріалы, стр. 14.

[2]) Арх. Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола № 4033.

[3]) Ibid.

[4]) Idid.

[5]) Характерныя подробности объ этомъ походѣ см. въ изданныхъ мною Матеріалахъ, стр. 61—17.

ченъ Кокоревъ, которому было приказано въ наказѣ давать черкасамъ, сравнительно съ русскими служилыми людьми, облегченіе въ наказаніяхъ за проступки, „чтобы отъ жестокаго наказанія они въ сумленіе не пришли“ [1]). Очевидно, суровыя наказанія московскихъ Судебниковъ, увеличиваемыя еще иногда злоупотребленіемъ воеводъ, были не обычны для черкасъ.

Но кромѣ того, чугуевскіе черкасы были еще не довольны и своимъ прямымъ начальникомъ, гетманомъ Остреніномъ. Мы уже видѣли, что многіе сотники (Разсоха, Рябуха и др.) отказывались ходить съ гетманомъ на поиски за татарами; въ августѣ 1640 года сотники Разсоха, Поповъ и др. составили челобитную и отправили ее съ черкашенинomъ Антономъ Божкомъ въ Москву, безъ вѣдома воеводы; вмѣстѣ съ тѣмъ они укоряли Остренина въ измѣнѣ; поводомъ къ этому послужило извѣстіе, будто государь намѣренъ чугуевскихъ черкасъ или разослать по украиннымъ городамъ, или же отослать въ Литву; извѣстіе это оказалось ложнымъ, и тогда гетманъ испросилъ позволеніе у воеводы жаловаться на челобитчиковъ царю; но черкасы всѣмъ міромъ съ большимъ шумомъ закричали на гетмана: „ за тобою мы пришли въ Чугуевъ; здѣсь тебя государь пожаловалъ гетманомъ, а мы тебя въ Литвѣ не выбирали“ [2]). Въ сентябрѣ того же года глава челобитчиковъ, сотникъ Разсоха, убѣжалъ въ Литву; но пререканія продолжались по прежнему. Въ январѣ 1641 года пріѣхалъ въ Москву для объясненій самъ гетманъ, а Поповъ привезъ челобитную отъ чугуевскихъ сотниковъ пятидесятниковъ, десятниковъ и рядовыхъ черкасъ, въ которой было выставлено много обидъ, причиненныхъ гетманомъ; такъ, напримѣръ, онъ отнялъ у одного казака пасѣку на Кабановой полянѣ, у другаго избу, со многихъ женъ и дочерей казацкихъ, ходившихъ по ягоды и грибы, поснималъ „поневы“ и „наметки“; крестьяне гетмана увезли 20 возовъ сѣна у Ѳедька Чючина и едва не убили его самого, Гришкѣ Павлову словесно говорили, чтобъ онъ уходилъ изъ своей пасѣки и уступилъ ее имъ; у него же вытолочили лошадьми десятину проса, а когда онъ захватилъ одну лошадь, то явился самъ гетманъ, насильно ее отобралъ, а его, Павлова, хотѣлъ заколоть рогатиною. Въ словесныхъ объясненіяхъ Поповъ добавлялъ, что гетманъ завладѣлъ ихъ казачьею землей сверхъ той дачи, которая была ему отве-

[1]) Архивъ Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола № 4033.

[2]) *Филаретъ*. Ист.-ст. оп. Харьк. еп., отд. IV, стр. 31.

дена по писцовымъ книгамъ Максима Лодыженскаго; въ доказательство этого онъ ссылался на другихъ челобитчиковъ и всѣхъ чугуевскихъ черкасъ и русскихъ людей. Остренинъ отвергалъ всѣ эти обвиненія. Для того, чтобы разобраться въ этомъ дѣлѣ, московское правительство вытребовало къ себѣ изъ Чугуева въ Москву и другихъ челобитчиковъ—сотника Васька Богацкаго, Демьяна Бута, Гаврила Гавронскаго, Богдана Матюшенка [1]). Обѣ стороны обвиняли другъ друга въ измѣнѣ; челобитчики говорили, что Остренинъ отправилъ свою дочь съ зятемъ въ Литву; гетманъ указывалъ на бѣгство важнѣйшаго его противника Разсохи, которое, конечно, бросало тѣнь и на остальныхъ. Остававшіяся еще въ Чугуевѣ челобитчики говорили: „гетманъ называетъ насъ ворами и измѣнниками, а мы за собою измѣны не знаемъ и хочемъ отъ этого очищаться". Но въ Москвѣ, по видимому, склонны были болѣе вѣрить гетману, нежели его противникамъ; по крайней мѣрѣ, Чугуевскій воевода получилъ приказъ отправить въ Москву Богацкаго и другихъ челобитчиковъ, а потомъ ихъ женъ съ дѣтьми и съ имуществомъ, на ихъ лошадяхъ, приставивъ къ нимъ провожатыхъ, а скотъ ихъ, хлѣбъ и пчелы переписать и беречь отъ расхищенія [2]). Между тѣмъ Яцка Остренина принимали въ Москвѣ очень хорошо. Онъ „видѣлъ государевы очи" и „былъ у государевой руки"; тогда же ему было назначено слѣдующее содержаніе: кружка романѣи, кружка вина боярскаго, ¼ ведра меду краснаго, ½ ведра меду паточнаго, ведро меду бѣлаго, 2 ведра пива, гусь и утка живые, пара курей живыхъ, свиной окорокъ, двѣ части говядины ссѣка, калачъ и гривна денегъ. Гетману, очевидно, удалось оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій. Чугуевскій воевода Кокоревъ получилъ такого рода указъ: „гетману по прежнему велѣно быть у чугуевскихъ черкасъ; и ты бъ указалъ слушаться его во всемъ; а мы ихъ будемъ жаловать; и пусть черкасы и русскіе люди въ землю гетманскую не вступаются, а гетманъ въ ихъ вступаться также не долженъ; пусть всѣ служилые и жилецкіе люди владѣютъ своими указными землями, чтобы ссоры и тяжбы не было" [3]).

Изъ приведенныхъ фактовъ явствуетъ, что противъ Остренина было, можно сказать, общее неудовольствіе, и онъ удержался только

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.

благодаря поддержкѣ, оказанной ему центральнымъ правительствомъ. Чугуевскіе черкасы, очевидно, живо помнили еще свое исконное право выбирать и низлагать на радѣ своихъ кошевыхъ и старшихъ. Но теперь это право не могло уже дѣйствовать; окончательное рѣшеніе вопроса принадлежало государю. Гетману не трудно было выиграть, такъ-сказать, процессъ, главнымъ образомъ потому, что онъ дѣйствительно показывалъ непоколебимую вѣрность государю, въ то время какъ его противники не хотѣли повиноваться представителю центральной власти, воеводѣ, не хотѣли нести станичной службы, а главное—были заподозрѣны въ сношеніяхъ съ поляками, перезывавшими ихъ назадъ въ Польшу.

Дѣйствительно, такія подстрекательства играли немаловажную роль въ борьбѣ чугуевскихъ черкасъ съ гетманомъ и воеводою. Поляки не могли примириться съ потерею столь значительнаго количества своихъ подданныхъ и потому стали употреблять всевозможныя старанія, чтобы заставить черкасъ покинуть Чугуевъ. Съ этою цѣлью прежде всего они рѣшили силою выгнать черкасъ изъ Чугуева. Пріѣзжавшіе изъ литовскихъ городовъ Миргорода и Полтавы въ Чугуевъ съ товарами купцы еще въ 1639 году дали знать, что въ литовскихъ украинныхъ городахъ собрано уже 6000 человѣкъ гусаръ и нѣмцевъ, во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный Потоцкій, чтобы Чугуевъ разорить, гетмана и казаковъ перебить; на предварительныя развѣдки отправленъ былъ полковникъ Ворона съ 400 черкасъ [1]). рыльскіе торговые люди сообщали, что въ бытность ихъ въ Нѣжинѣ они слышали отъ многихъ литовскихъ купцовъ, будто гетманъ Конецпольскій перевозится черезъ Днѣпръ со многими литовскими людьми, чтобъ идти подъ украинскіе государевы города Рыльскъ и Путивль [2]). Изъ Москвы по сему поводу были посланы въ украинные города Курскъ и Бѣлгородъ грамоты съ предупрежденіями о предстоящей опасности; въ случаѣ прихода поляковъ Курскій воевода долженъ былъ послать къ нимъ дворянина и объявить, чтобъ они не нарушали мирнаго постановленія, а если они не послушаютъ, то выступитъ противъ нихъ [3]). Но мира (Поляновскаго) поляки нарушитъ

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008; *Филаретъ*. Ист. стат. опис. Харьк. еп., отд. IV, стр. 25—26.

[2]) Рук. Ист.-фил. общ. Стол. подл. отпис. Чуг. воеводъ, № 9.

[3]) Арх. Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008; если Потоцкій и Конецпольскій и не выступили противъ чугуевцевъ, за то они высылали шайки воров-

не захотѣли, а измѣнили теперь только тактику. Староста Миргорода Станиславъ Гульчевскій прислалъ воеводѣ грамоту, въ которой сообщалъ, будто бы Яцко Остренинъ хочетъ измѣнить государю, побить его людей и вернуться въ Литву. Воевода, по приказанію государя, эту самую грамоту велѣлъ громко прочитать въ присутствіе всѣхъ черкасъ и русскихъ служилыхъ людей. Гетманъ отъ себя заявилъ на это, что въ Литву онъ ничего не писалъ, государю измѣнить не желаетъ, пришелъ вѣрно служить, что бы ни писали лица, желающія навлечь на него опалу государя; останься онъ и его товарищи въ Литвѣ, давно они уже сварены бы были въ котлахъ; если бы даже другіе и желали измѣнить государю, то онъ останется ему непоколебимо вѣренъ; за другихъ онъ не знаетъ, ибо „не сердцевѣдецъ, а всякая мысль грудью закрыта“ [1]). Второй способъ не привелъ опять-таки ни къ какимъ результатамъ; Михаилъ Ѳеодоровичъ не повѣрилъ навѣтамъ на Остренина, въ вѣрности котораго онъ былъ вполнѣ убѣжденъ. Тогда, наконецъ, поляки прибѣгли къ третьему средству: стали подсылать въ Чугуевъ разныхъ лицъ и пересылать черезъ нихъ „прелестныя письма“, въ которыхъ сѣяли смуту среди поселенцевъ и перезывали ихъ назадъ въ Литву. Это возымѣло свое дѣйствіе: черкасы стали перебѣгать изъ Чугуева въ Литву. Бѣгали за рубежъ и холостые, и женатые, со своими и чужими женами; такъ побѣжали за рубежъ Леско Плотникъ да Ивашко Худой, а съ ними двое черкасскихъ (чужихъ) женъ; за ними послали погоню, которая настигла ихъ по литовской дорогѣ въ 40 в. отъ Чугуева, при чемъ Плотникъ былъ убитъ; относительно остальныхъ вышелъ такой указъ: допросить Ивашку, потомъ казнить, а женъ наказать нещадно кнутомъ и отдать мужьямъ, если они захотятъ взять ихъ, а если не возьмутъ, то отослать въ Бѣлгородъ. Интересно, что сами черкасы явились всѣмъ войскомъ къ воеводѣ, требовали для такихъ измѣнниковъ, которые, подговоря чужихъ женъ и дочерей, бѣгаютъ въ Литву, смертной казни: иначе безъ этого тѣ отъ воровства не отстанутъ [2]). Правительство награждало тѣхъ черкасъ, которые оказывали ему услуги въ поимкѣ бѣглецовъ; такъ отправлена

скихъ черкасъ, которые грабили имущество — скотъ, лошадей, пчелъ и т. п.; см. объ этомъ, напримѣръ, донесеніе воеводы Щетинина 1640 г. 9-го апрѣля (Гук. Ист.-свл. общ. Стол. подлинныхъ отписокъ чуг. воеводъ № 8).

[1]) *Филаретъ*. Ист.-ст. опис. Харьк. еп.; отд. IV, стр. 28—29.

[2]) Арх. Мин. Юст. Ст. бѣл. стола, № 4008.

была изъ Бѣлгорода грамота и подарки сотнику Богдану Матюшенку и женѣ черкашенина Герасимка Михайлова, первому — за то, что онъ догналъ Михайлова, а второй — за то, что она сообщила о побѣгѣ своего мужа Максиму Лодыженскому; Матюшенку было дано 5 руб. денегъ да портище тавты, а женѣ Михайлова — 5 руб. „за вѣрную службу“ [1]). Однажды перебѣжали конскіе пастухи, подговорившіи съ собою кое-кого изъ чугуевскихъ черкасъ и захвативъ лошадей. Мы уже сказали, что подстрекателями къ бѣгству являлись литовскіе купцы или, вѣрнѣе сказать, лица, пріѣзжавшія подъ видомъ ихъ; другіе являлись подъ именемъ родственниковъ поселенцевъ [2]). Для того, чтобы нѣсколько парализовать дѣятельность литовскихъ лазутчиковъ, велѣно было съ купцовъ, пріѣзжавшихъ съ Литвы, брать таможенныя пошлины, а также запрещено было имъ останавливаться въ самомъ городѣ. Не обходилось и безъ столкновеній; такъ однажды произошла ссора между литовскими купцами и чугуевскими стрѣльцами: послѣдніе обвиняли первыхъ въ произнесеніи хулительныхъ словъ на государя [3]). Все это еще болѣе увеличивало броженіе и смуту. Въ числѣ другихъ, полякамъ удалось подстрекнуть къ бѣгству и извѣстнаго намъ сотника Разсоху, бывшаго главою оппозиціи противъ гетмана. Сохранились подлинники двухъ писемъ, полученныхъ Разсохой и побудившихъ его къ бѣгству за рубежъ; одно—отъ миргородскаго старосты Станислава Кульчевскаго на западно-русскомъ нарѣчіи, а другое—отъ Станислава Гурскаго на польскомъ. Станиславъ Кульчевскій обѣщаетъ всѣмъ, которые уйдутъ изъ Чугуева, полную безопасность; узнавъ, что Разсоха сожалѣетъ о покинутой родинѣ и не можетъ привыкнуть къ новому мѣсту жительства, онъ проситъ его и другихъ переходить къ нему на сло боду на Опошлинскій перевозъ, гдѣ будетъ дано льготы каждому на 30 лѣтъ. Посланіе Станислава Гурскаго было еще соблазнительнѣе; онъ прямо говорилъ, что не винитъ Разсоху за бѣгство, такъ какъ онъ бѣжалъ, спасая свою жизнь; но теперь онъ можетъ возвратиться назадъ въ свое имѣніе и получить все въ цѣлости и неприкосновенности, такъ какъ онъ, Гурскій, отдалъ приказъ сохранить все это до пріѣзда его Разсохи [4]). Письма написаны были въ іюнѣ

---

[1]) Ibidem.

[2]) См. объ этомъ у *Филарета*, Ист.-ст. опис. Харьк. еп., отд. IV, стр. 32.

[3]) Арх. Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

[4]) Арх. Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

1639 г., а Разсоха убѣжалъ въ Литву въ сентябрѣ 1641 года; слѣдовательно, не сразу поддался онъ польскимъ внушеніямъ; не смотря на всю заманчивость польскихъ предложеній, онъ рѣшился бѣжать только два года спустя по полученіи писемъ; въ это время, какъ мы знаемъ, онъ велъ борьбу съ гетманомъ и, конечно, выжидалъ исхода ея; выигралъ ее гетманъ, а Разсоха привелъ теперь въ исполненіе давно задуманный планъ бѣгства. Не можемъ при этомъ не отмѣтить одной характерной подробности; въ то время, какъ польскіе пограничные начальники употребляли всевозможныя мѣры, чтобы перезвать назадъ чугуевскихъ черкасъ, московское правительство постоянно подтверждало, чтобы чугуевцы не перезывали къ себѣ литовскихъ подданныхъ, а воеводы принимали только тѣхъ, которые станутъ переходить по своей волѣ и охотѣ [1]); оно искренно хотѣло поддерживать мирное докончанье. Сынъ Михаила Ѳеодоровича, держался въ этомъ случаѣ болѣе твердой и энергической политики.

Разсоха убѣжалъ съ женой и дѣтьми и только по какой-то непонятной для насъ случайности оставилъ свою сноху. Плачъ ея обратилъ на себя вниманіе дозорщика черкасскаго есаула, который отъ нея узналъ, что самъ Разсоха съ женой и дѣтьми ушелъ на пасѣку и доселѣ не возвращался; пошли на пасѣку, но тамъ не застали уже никого и только увидѣли большую саклю, то-есть, слѣдъ къ литовскому рубежу; можно было предположить, что за черкасами пріѣзжали изъ Литвы; тогда же открылось, что у многихъ лицъ пропали въ ту ночь лошади; отправились въ домъ Разсохи, перерыли его и нашли два запертые сундука: открыли ихъ, увидѣли тамъ рогожи да каменья,—вещи же были увезены; нашли еще два „прелестныхъ письма", которыя и отправили въ разрядъ [2]). Вмѣстѣ съ Разсохой

---

[1]) Въ грамотѣ по поводу измѣны чугуевскихъ черкасъ говорится: „А какъ они (чугуевскіе черкасы) были въ литовской сторонѣ, и въ литовскую сторону мы, великій государь, для перезыванія къ нимъ никово не посылали и впредь изъ литовскія стороны ни какихъ людей никому перезывать *не велѣли для того* что, по милости Божій, наше царское величество для покою крестьянскаго съ Польскимъ королемъ учинили въ братцкої дружбе и въ любви на вѣчное докончанье". См. Ворон. акты, кн. 1-я, Воронежъ. 1851, стр. 101.

[2]) Рукописи Историко-филологическаго Общества. Столбцы подлинныхъ отписокъ чугуевскихъ воеводъ № 2; см. также *Филарета*, „Ист. стат. опис. Харьк. епархіи", отд. IV, стр. 33—34; здѣсь впрочемъ, маленькая неточность: было найдено два сундука, а не одинъ. Можно почти положительно утверждать, что

убѣжали и нѣкоторые родовые черкасы; часть ихъ перехвачена на дорогѣ съ женами и дѣтьми; черкасскихъ женъ велѣно было отправить на житье въ сибирскіе города и тамъ позволить имъ выйдти замужъ, за кого онѣ захотятъ. Оставшееся послѣ бѣглецовъ имущество, въ томъ числѣ и Разсохи, было описано; интересно, что это имущество называется опальнымъ—„опальная животина", „опальныя свиньи", даже „опальный хлѣбъ" [1]). На вопросъ воеводы, почему и начальные люди стали перебѣгать въ Литву, черкасы отвѣчали: „хто де воруетъ и перебѣгаетъ въ Литву, мы де тово не вѣдаемъ, а есть де межъ нами молва, что будетъ разводъ по городамъ и въ Литву отдача и хто де изъ насъ смишления и мы де тому не вѣримъ" [2]).

Присылка лазутчиковъ не только не прекратилась, но нужно думать, даже увеличилась. Разсоха, придя въ Полтаву, заявилъ, что между черкасами и гетманомъ теперь идетъ ссора, и потому отправлено было нѣсколько десятковъ лицъ, съ тѣмъ чтобъ они перезывали въ Польшу чугуевцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выкрали изъ тюрьмы невѣстку Разсохину [3]). Воевода, въ виду все болѣе и болѣе увеличивавшихся волненій, усилилъ въ городѣ мѣры предосторожности. Къ черкасамъ онъ относился все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ недовѣріемъ и требовалъ прибавки русскихъ служилыхъ людей, такъ какъ теперь ихъ было всего 260 человѣкъ. Очевидно, неудовольствія между родовыми черкасами и ихъ начальниками, гетманомъ и воеводою, все болѣе возростали и наконецъ разразились убійствомъ гетмана Яцка Остренина и бѣгствомъ ихъ изъ Чугуева 26-го апрѣля 1641 года; какъ совершилось это событіе, мы сказать не можемъ; сохранилась только грамота государя на Воронежъ отъ 14-го мая 1641 г., въ

столбцы Ист.-фил. общества суть тѣ самые, которыми пользовался пр. Филаретъ; потому что они и сохранились въ Харьковѣ; другой же экземпляръ находится въ Москвѣ въ архивѣ Мин. Юст.; всѣ они дополняютъ взаимно другъ друга, потому что ни тамъ, ни здѣсь не сохранилось полнаго собранія отписокъ.

[1]) Арх. Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола № 4033.

[2]) Рук. Ист.-фил. общ. Ст. подлинныхъ отписокъ Чуг. воев., № 2. Очевидно, что главнымъ мотивомъ къ бѣгству являлся слухъ о разводѣ малороссовъ по московскимъ украиннымъ городамъ и объ отсылкѣ въ Литву; на разводъ по городамъ черкасы смотрѣли, слѣдовательно, какъ на очень нежелательное для нихъ явленіе. Это уясняетъ намъ и тотъ характеръ, который приняла малорусская колонизація при Алексѣѣ Михайловичѣ.

[3]) Арх. Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола № 4033. Эта послѣдняя сидѣла тогда въ Чугуевской тюрьмѣ вмѣстѣ съ другими лицами, которые были пойманы на дорогѣ въ Литву.

которой разказывается объ этомъ событіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, выражается благоволеніе государя къ воронежскимъ черкасамъ за ихъ постоянную вѣрную службу; убѣждая ихъ и впредь оставаться вѣрными, царь говоритъ, что гнѣва и опалы за измѣну чугуевскихъ черкасъ ни на нихъ, ни на другихъ черкасъ не будетъ; воеводѣ же предписывается „къ черкасамъ имѣть береженье и ласку, чтобы ихъ отъ жесточи въ сумненья не ввесть [1]).

Такимъ образомъ первая попытка поселить черкасъ въ степи за украинными московскими городами окончилась неудачно. Но нельзя не сознаться въ томъ, что причины неудачи были въ значительной степени случайныя и устранимыя. Удаленіе черкасъ было вызвано подговорами польскихъ коммиссаровъ, которые распускали не имѣвшіе никакого фактическаго основанія слухи о разводѣ всѣхъ черкасъ по московскимъ украиннымъ городамъ, что̀ для тѣхъ было весьма непріятно, потому что должно было лишить ихъ самоуправленія и льготъ, которыми они впервые стали пользоваться въ Чугуевѣ, явившись сюда сразу въ видѣ цѣлаго войска; но слухи эти имѣли успѣхъ только потому, что чугуевскіе черкасы постоянно ссорились и пререкались со своимъ гетманомъ и съ воеводами; еслибы не было въ Чугуевѣ такой розни между населеніемъ и его правителями, то всѣ эти „прелестныя письма“ не привели бы ни къ какимъ результатамъ; мы видѣли, что и на Розсоху они не оказывали никакого дѣйствія въ продолженіе двухъ лѣтъ. Но эта рознь зависѣла въ значительной степени отъ личныхъ качествъ Яцка Остренина и кн. Щетинина. Первому не удалось заставить черкасъ уважать свой авторитетъ; второй, по выраженію документа, „привелъ ихъ въ сумнѣніе жестокимъ обхожденіемъ“, такъ что и русскіе люди подняли противъ него ропотъ. Но вообще говоря, условія жизни черкасъ на новомъ мѣстѣ были таковы, что ихъ можно было предпочесть порядкамъ, господствовавшимъ на родинѣ. Правда, они должны были подчиняться воеводскому управленію; но и дома въ это время во главѣ полковъ стояли лица, назначенныя польскимъ правительствомъ, которымъ они должны были повиноваться во всѣхъ дѣлахъ; жизнь ихъ въ самомъ пограничномъ московскомъ городѣ была очень тревожная, но такимъ же характеромъ отличалась и жизнь въ украинскихъ польскихъ старостваxъ—Переяславскомъ, Каневскомъ и др., въ какомъ нибудь Миргородѣ или Полтавѣ. Но за то въ русскихъ предѣлахъ

[1]) Ворон. акты, кн. 1-я. Воронежъ, 1851, стр. 103—104.

черкасы сохраняли свободу совѣсти, могли исповѣдывать смѣло и открыто свою православную вѣру, которая подвергалась преслѣдованію въ Польшѣ. Это очень важное преимущество. Есть еще впрочемъ и другое: мы сравнивали до сихъ поръ положеніе малороссійскихъ казаковъ въ Чугуевѣ и Польшѣ; но не слѣдуетъ забывать того обстоятельства, что количество казаковъ въ Польшѣ было ограничено уже послѣ неудачнаго возстанія Павлюка 1637 г. шестью тысячами человѣкъ, остальные должны были поступить въ сословіе хлоповъ; а всякому извѣстно, каково было положеніе этихъ послѣднихъ; имъ-то уже во всякомъ случаѣ терять было нечего.

Таковы были размѣры и характеръ южнорусскаго переселенческаго движенія въ московскія украины до Алексѣя Михайловича. Они именно и подготовили почву для послѣдовавшаго вскорѣ затѣмъ возсоединенія Великой и Малой Россіи; послѣ того съ праваго берега Днѣпра потянулись уже цѣлыя толпы черкасъ и заселили своими слободами большую область, извѣстную подъ именемъ Слободской Украйны.

Дм. Багалѣй.